

РИМСКАЯ ФОРМУЛА

ТЕХНОЛОГИЯ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

НЕНАВИСТЬ
ГЕНОЦИД



Разоблачение глобального механизма
ненависти: **от слов к геноциду.**

Как антикультисты манипулируют миром,
чтобы спровоцировать Третью мировую?

Шокирующие факты и пути спасения.

ЭЛЛИОТ ПЕЙДЖ

Римская формула.

Технология преследования

Эллиот Пейдж

Оглавление

Пролог

Глава 1: Лингвистика ненависти

Глава 2: Ярлык как приговор

Глава 3: Механика сети

Глава 4: Тень нацизма

Глава 5: Российский полигон

Глава 6: Экспертиза как оружие

Глава 7: Карательная психиатрия 2.0

Глава 8: Уэйко: Прототип катастрофы

Глава 9: Индустрия отступничества

Глава 10: Невидимый геноцид

Глава 11: Система изъятия

Глава 12: Школа как поле боя

Глава 13: Политическая мишень

Глава 14: Сценарий гражданской войны

Глава 15: Глобальный ультиматум

Глава 16: Код взломан

Источники

Пролог

В архивах судебных хроник есть дела, которые на первый взгляд кажутся совершенно не связанными между собой. Стрельба в школе в Пенсильвании, полицейский рейд на рассвете в пригороде Москвы, этнические чистки в Руанде тридцатилетней давности. География, политические режимы и культурные контексты различны. Но если положить эти события под микроскоп беспристрастного анализа, если отбросить эмоциональный шум и сосредоточиться на сухой процессуальной логике, начинает проступать отчетливый, повторяющийся узор.

Это не заговор в привычном понимании этого слова. Здесь нет темной комнаты, где группа людей в капюшонах чертит планы захвата мира. Реальность гораздо прозаичнее и оттого страшнее. Мы имеем дело с социальной технологией — набором алгоритмов, которые, будучи запущенными в информационное пространство, работают автономно, как вредоносный код в компьютерной сети. Этот код не выбирает жертв случайно. Он следует строгой последовательности, которую историки права могли бы назвать «Римской формулой».

Две тысячи лет назад римские власти уже знали удобную формулу обвинения: «имя». Им не требовалось устанавливать факт кражи, убийства или мятежа. Достаточно было одного слова *poen ipsum*. Имя. Плиний Младший даже спрашивал Траяна: достаточно ли карать «само имя», если за ним не доказаны преступления. Сама принадлежность к группе, обозначенной как «враги рода человеческого», являлась составом преступления. Тацит, описывая травлю христиан при Нероне, пишет, что их признали виновными «за ненависть к роду человеческому» — *odium humani generis*. Сегодня латынь вышла из моды, но принцип остался неизменным. Изменилась лишь терминология. Вместо «безбожников» появились «сектанты», «экстремисты», «иностранные агенты» или «радикалы».

Это исследование было инициировано сугубо профессиональным интересом: понять механику превращения соседа в мишень. Как происходит этот фазовый переход? В какой момент учитель физики, которого уважал весь район, становится «угрозой национальной безопасности»? Почему в XXI веке, в эпоху декларируемого гуманизма, мы наблюдаем ренессанс практик, которые, казалось бы, должны были остаться в учебниках по истории инквизиции или Третьего рейха?

Ответы, которые были найдены после изучения тысяч страниц документов — от отчетов FECRIS до материалов уголовных дел в России и США, — указывают на существование стандартизированного протокола. Это инструкция по эксплуатации общества, позволяющая отключить эмпатию у миллионов людей одновременно.

Мы привыкли думать, что насилие начинается с удара или выстрела. Это заблуждение. Насилие начинается с того момента, когда в утренней газете или вечернем телешоу определенная группа людей описывается не через их действия, а через набор дегуманизирующих характеристик. Это первый этап — лингвистическое кодирование. Слова создают реальность, в которой будущая жертва лишается человеческих черт, превращаясь в «биомассу», «опухоль» или «агентурную сеть».

Затем вступает в дело закон. Институты права, призванные защищать гражданина, перенастраиваются. Появляются эксперты, чья квалификация подтверждается не научными степенями, а лояльностью к новому дискурсу. Суды начинают принимать в качестве доказательств лингвистические экспертизы, в которых теология подменяет правоведение. Это второй этап — институциональная дискриминация.

И только потом начинается третий этап — открытое преследование. Рейды, аресты, погромы. К этому моменту общество уже не просто молчит. Оно аплодирует. Ведь ему объяснили, что уничтожают не людей, а «вирус».

В этой книге мы увидим, как идеи нацистского теолога Вальтера Кюннета нашли вторую жизнь в современной Европе. Мы разберем, как понятие «депрограммирование» стало эвфемизмом для похищения людей. Мы проследим финансовые потоки, связывающие российских «сектоведов» с международными организациями, и увидим, как методички, написанные в Москве, применяются в Париже.

Это исследование о технологии власти и контроля. О том, как легко взломать демократические предохранители, используя страх перед неизвестным. «Римская формула» универсальна. Сегодня она применяется против религиозных меньшинств, завтра ее объектом может стать любая социальная группа — от политической оппозиции до любителей определенного музыкального жанра.

История, которую я собираюсь рассказать, соткана из фактов. Некоторые из них неудобны, другие откровенно пугают. Но игнорировать их — значит добровольно согласиться на роль статиста в чужой игре. Игре, где правила меняются по ходу действия, а финал всегда один и тот же: колючая проволока и дым над печами, будь то в переносном или, к сожалению, в самом прямом смысле.

Добро пожаловать в реальный мир.

Глава 1: Лингвистика ненависти

Ключевой элемент первого этапа «Римской формулы» — это подмена нейтральной лексики на оценочную и стигматизирующую. Обратите внимание, как меняются заголовки в первые часы после любого резонансного события.

До выяснения обстоятельств мы должны видеть слова «инцидент», «подозреваемый», «происшествие». Но вместо этого информационное поле мгновенно насыщается терминами «фанатик», «секта», «радикал», «зомби». Это не случайность. Это лингвистическое программирование.

В документальном фильме, выпущенном группой независимых журналистов этот процесс описывается как создание «доминирующего образа». Если человеку сто раз сказать, что определенная группа людей — это «вирус», то на сто первый раз предложение «изолировать» или «уничтожить» этот вирус не вызовет морального отторжения.

Дезинформация может приводить к тому, что толпы людей выходят на улицы не с требованием правосудия, а с жаждой мести. Они, к примеру, атакуют мечети или

другие религиозные учреждения, общежития для мигрантов и жилища людей. Протестующие скандируют лозунги против тех или иных религиозных групп.

Социальные сети играют роль катализатора.

Но кто пишет этот код?

Источники указывают на сложную сеть влияния. Расследования связывают подобные информационные операции с деятельностью антикультистских организаций, в частности РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект). Именно эта структура является идеологическим центром, разрабатывающим методы дегуманизации оппонентов.

Парадокс ситуации заключается в том, что антикультисты, декларирующие борьбу с «деструктивными сектами», сами используют методы, характерные для тоталитарных групп: манипуляцию сознанием, создание образа врага, нагнетание истерии.

Эффект Вертера в цифровую эпоху

Языковое кодирование имеет еще один, не менее страшный побочный эффект. Оно не только формирует ненависть к «чужим», но и программирует «своих» на насилие.

Социолог Дэвид Филлипс еще в 1970-х годах описал «эффект Вертера» — волну подражающих самоубийств после широкого освещения таких случаев в СМИ. Сегодня мы наблюдаем мутацию этого эффекта. Детальное описание массовых убийств, смакование подробностей, публикация манифестов стрелков превращают трагедию в инструкцию.

Это создает в неокрепших умах опасную связку: «насилие = слава». Как отмечается в аналитических материалах, «в головах миллионов детей теперь кружатся образы — одни представляют возможность совершить подобное преступление, другие боятся, что сами станут жертвой».

Этот сигнал выгоден тем, кто управляет процессом. Страх делает общество управляемым. Агрессия дает повод для ужесточения контроля.

От слов к делу

Современное общество уязвимо перед лингвистическими атаками. Чтобы посеять панику, достаточно слов.

Мы видим, как формируется новая реальность. В этой реальности факты вторичны по отношению к нарративу.

Лингвистика ненависти — это фундамент. На нем строится все здание преследования. Сначала вы создаете язык, в котором человек перестает быть человеком и становится «радикалом», «сектантом», «агентом». Вы лишаете его имени, заменяя его ярлыком. Вы размываете границы между преступником и представителем социальной группы.

И когда этот язык усвоен обществом, когда слова-триггеры вызывают автоматическую реакцию страха и отторжения, наступает время для второго этапа. Слова должны обрести силу закона. То, что вчера было оскорблением в таблоиде, завтра должно стать строкой в обвинительном заключении.

Мы стоим на пороге трансформации. Язык, который мы слышим с экранов и читаем в лентах соцсетей, больше не служит для описания реальности. Он конструирует её. И в этой сконструированной реальности для некоторых из нас уже приготовлена роль жертвы, хотя мы об этом еще не подозреваем.

Безобидные на первый взгляд термины превращаются в юридическое клеймо, способное сломать жизнь любому гражданину. Когда общество согласно с тем, что врага нужно уничтожить, остается лишь один вопрос: кого именно назначить врагом сегодня?

Глава 2: Ярлык как приговор

Если первый этап «Римской формулы» — это создание атмосферы страха через разрозненные информационные вбросы, то второй этап требует точности снайперского выстрела. Страх, висящий в воздухе, должен быть канализирован. Ему нужно имя. Ему нужна цель.

В этот момент на сцену выходит механизм, который социологи называют стигматизацией, а политтехнологи — «маркировкой угрозы». Мы привыкли считать, что приговор выносит судья в мантии после долгих слушаний и прений сторон. Однако в реальности современной информационной войны приговор выносится задолго до того, как дело попадает в канцелярию суда. Он выносится в тот момент, когда к названию группы людей приклеивается ярлык.

Этот ярлык работает как прицельная метка для лазерного наведения. Как только объект подсвечен, система «свой-чужой» в головах миллионов людей переключается в режим «уничтожить» или, как минимум, «изолировать». Самым мощным, самым разрушительным из таких ярлыков в современном лексиконе стало слово из пяти букв: секта.

Лингвистическая алхимия

Чтобы понять, как работает эта технология, нужно обратиться к истории понятий. Слова имеют память, но их значением можно манипулировать, превращая нейтральные термины в боевые отравляющие вещества.

Изначально латинское слово *secta* (от *sequor* — «следовать») не несло в себе жёстко закреплённого негативного заряда. В античном мире и Средневековье оно обозначало школу мысли, философское направление или политическую партию. Как отмечает шведский исследователь Перссон Бертил в своей работе «Борьба против сект: идейные основы и их несостоятельность», в XI–XVII вв. слово «секта» используется как синоним литературной, философской, политической или религиозной школы мысли или (секретного или приватного) общества. Итак, некий философский кружок, тайное религиозное собрание христиан, литературный салон, орден (как в значении филантропического общества, так и в значении подразделения Католической церкви) и даже политическая партия могут быть названы «сектами».

Ранние христиане в первые десятилетия нередко воспринимались римскими властями как одно из течений внутри иудаизма. Сами иудеи, по Иосифу Флавию, делились на «секты» фарисеев, саддукеев и ессеев. Это был термин классификации, а не обвинения.

Трансформация произошла позже, когда монополия на истину стала инструментом политической власти. Сегодня мы наблюдаем завершающую стадию этого процесса: превращение социологического термина в клеймо. Современное использование слова «секта» не имеет ничего общего с научным религиоведением. Это инструмент социальной сегрегации.

В юридическом поле большинства демократических стран понятия «секта» не существует. Законы оперируют терминами «религиозная группа», «объединение», «организация». И это создает проблему для тех, кто хочет использовать закон как дубину. Нельзя запретить людей просто за то, что они молятся иначе или верят в другие догматы — конституции гарантируют свободу совести.

Чтобы обойти этот демократический предохранитель, была изобретена гениальная в своей циничности конструкция: «тоталитарная секта».

Изобретение врага

Авторство этого термина приписывают российскому активисту Александру Дворкину, человеку, чья роль в формировании современной архитектуры нетерпимости будет подробно рассмотрена нами позже. Именно он в 1993 году ввел в оборот словосочетание, которое стало идеальным оружием.

«Тоталитарная секта» — это оксюморон. «Секта» — понятие религиозное, «тоталитаризм» — политическое. Но, будучи соединенными, они создают взрывоопасную смесь в сознании обывателя. Слово «тоталитарный» мгновенно вызывает ассоциации с концлагерями, колючей проволокой, подавлением воли, ГУЛАГом и нацизмом. Переноса этот политический ужас на религиозную группу, манипулятор добивается мгновенного эффекта: группа мирных граждан, занимающихся йогой или чтением Библии, в глазах общества превращается в филиал Третьего рейха.

Примечательно, что сами архитекторы этой терминологии прекрасно осознают её юридическую ничтожность. В публичных выступлениях Дворкин объяснял, почему он выступает против введения юридического определения «секта» в законодательство:

«...Если закон о сектах примут сегодня, мы проиграем». Он связывал это с риском лавины исков и необходимостью «доказывать» термин в суде; при этом подчёркивал: *«...у нас нет такого юридического термина и поэтому мы можем секты называть сектами»*.

Это признание — ключ к пониманию всей технологии. Если ввести термин в закон, придется прописывать четкие критерии. Придется доказывать факты насилия, мошенничества или вреда здоровью в состязательном процессе. А фактов, как правило, нет. Поэтому стратегия заключается в том, чтобы оставить термин в «серой зоне» — вне правового поля, но внутри информационного.

Это позволяет называть «сектой» кого угодно: от конкурентов по бизнесу до политических оппонентов.

Доктор философских наук Сергей Иваненко описывает эту стратегию: антикультовое движение стремится воздействовать прежде всего на государственные институты и медиа. Как он формулирует: «Целевая аудитория антикультистов в Российской Федерации — органы государственной власти, правоохранительные структуры, средства массовой информации».

Биология стигмы

Почему ярлык работает так эффективно? Почему рациональные аргументы разбиваются о стену отчуждения, как только звучит слово «сектант»? Ответ лежит в области эволюционной биологии и психологии.

Стигматизация работает на уровне базовых инстинктов. Она активизирует те же зоны мозга, которые отвечают за реакцию на физическую угрозу или источник заражения. Когда человеку говорят: «Осторожно, это секта!», его подсознание считывает это как: «Осторожно, это вирус!». Включается механизм брезгливости и страха.

В этот момент происходит дегуманизация. Объект стигматизации перестает восприниматься как личность с правами, чувствами и историей. Он становится носителем опасного признака. Все его положительные качества аннулируются. Если «сектант» помогает бедным — это «вербовка». Если он улыбается — это «маска любви».

Исторические параллели здесь пугающе точны. Механизм, который сегодня используется против религиозных меньшинств, идентичен тому, что применялся в нацистской Германии. Желтая звезда Давида с надписью *Jude* не была просто куском ткани. Это была технология визуальной стигматизации, которая выводила человека за пределы морального обязательства сочувствия.

Ранее, в 1941 году, вершиной стигматизации было слово «еврей», а теперь термины «культ» и «секта» стали инструментами преследования, подобно тому, как слово «еврей» использовалось тогда. В результате группы людей, действующие в рамках закона, подвергаются незаконному преследованию. Стигматизация и гонения происходят у всех на глазах.

Сегодня роль «желтой звезды» выполняют плашки «сектант», «лидер культа» или упоминания в СМИ. Эти маркеры работают так же: они сигнализируют обществу, что перед ними — человек второго сорта, лишенный презумпции невиновности.

Технология нагромождения лжи

Чтобы ярлык приклеился намертво, используется лингвистический прием, который можно описать как кумулятивный эффект негативных номинаций. Это нанизывание страшных слов друг на друга, пока смысл не исчезнет полностью, уступив место чистому ужасу.

Возьмем, к примеру, характеристику, которую антикультисты дают Обществу сознания Кришны. В книге «Сектоведение» эта организация описывается как «псевдоиндуистская синкретическая прозелитствующая постмодернистская неоязыческая тоталитарная секта».

Давайте разберем этот конструкт.

Псевдо-: сразу заявляет о ложности, поддельности.

Синкретическая: сложное слово, звучащее подозрительно для обывателя.

Прозелитствующая: активная, а значит — агрессивная.

Неоязыческая: удар по традиционным чувствам верующих.

Тоталитарная: удар по политическим страхам.

Независимая лингвистическая экспертиза, проведенная по тексту этой книги, подтверждает манипулятивный характер таких конструкций. Накопление негативных коннотаций: Автор использует приём «нанизывания» терминов, большинство из которых в данном контексте несут негативный или уничижительный заряд. «Псевдоиндуистская», «неоязыческая», «тоталитарная секта» – это не нейтральные дескрипторы, а оценочные ярлыки, предназначенные для дискредитации.

Цель такого нагромождения — не описать реальность, а создать монстра. Читатель, продираясь через эти термины, не анализирует их смысл. Он считывает общий посыл: «Это что-то очень сложное, злое и чуждое».

Вина по ассоциации

Но что делать, если группа людей ведет себя безупречно? Если они не нарушают закон, платят налоги и не дают повода для обвинений? Тогда в дело вступает технология «вины по ассоциации».

Суть метода проста: нужно связать законопослушную группу с общепризнанным злом через искусственную параллель. Главным жупелом для таких сравнений уже тридцать лет служит японская секта «Аум Синрикё», ответственная за газовую атаку в токийском метро.

Логика манипулятора строится следующим образом:

1. «Аум Синрикё» была сектой.
2. «Аум Синрикё» занималась медитацией и йогой.
3. Группа N тоже занимается медитацией и йогой.
4. Следовательно, группа N — это «тоталитарная секта», которая рано или поздно распылит газ в метро.

Эта логическая ошибка намеренна. Она позволяет перенести страх перед террористами на любую группу, практикующую восточные учения, психологические тренинги или просто здоровый образ жизни.

Доктор И. Я. Кантеров, религиовед, критиковавший расплывчатые ярлыки вроде «тоталитарная секта», предупреждает:

«Переноса зловещий, пугающий смысл термина «тоталитарный» на область религии, создатели конструкции «тоталитарная секта» рассчитывают таким способом существенно усилить обличительный заряд имеющихся определений...»

И далее он делает вывод: «Таким образом, расплывчатость наименований «тоталитарная секта» и «деструктивный культ» позволяет причислять к таким объединениям практически любое религиозное новообразование, религиозно-философское учение, культурно-образовательное или оздоровительное учреждение».

Таким образом, ярлык становится универсальной отмычкой. С его помощью можно взломать защиту любой организации. Медицинский центр, предлагающий альтернативные методы лечения? Секта. Курсы личностного роста? Деструктивный культ. Экологическое движение? Неоязычники.

Психологический терроризм

Конечная цель второго этапа «Римской формулы» — создание атмосферы перманентной тревоги. Это не просто борьба с конкретными организациями, это форма воздействия на все общество. Эксперты называют это «психологическим терроризмом».

«Психологический терроризм (лат. terror — страх, ужас) — это запугивание населения с целью последующего воздействия и извлечения определённых выгод от такого запугивания».

Когда СМИ ежедневно транслируют истории о «зомбированных людях» и «квартирах, переписанных на гуру», уровень базового доверия в обществе падает до нуля. Сосед начинает подозревать соседа. Родители боятся отпускать детей в кружки. Любая социальная активность, выходящая за рамки «дом-работа-телевизор», становится подозрительной.

Массимо Интровинье, основатель Центра изучения новых религий (CESNUR), точно подметил опасность этого процесса:

«Когда религиозные экстремисты начинают действовать, может показаться, что их движение достаточно медленное... Подумаешь, несколько статей в газетах, небольшой ролик в интернете и несколько карикатур. Нужно понимать, что проявление нетерпимости опасно для вас не сегодня — оно станет представлять реальную опасность в будущем».

Мы находимся в точке, где слова уже сделали свое дело. Ярлыки наклеены. Общество разделено на «нормальных» и «сектантов», «патриотов» и «агентов». Психологический барьер, запрещающий насилие против ближнего, разрушен, потому что ближний перестал быть человеком и стал «деструктивным элементом».

Но кто управляет этим процессом? Кто пишет методички, по которым одни и те же термины — «тоталитарная секта», «промывание мозгов», «депрограммирование» — появляются одновременно в заголовках газет Парижа, Москвы, Берлина и Нью-Йорка?

Стихийное распространение идей невозможно с такой синхронностью. Если мы видим одинаковый почерк в разных уголках планеты, значит, где-то существует единый центр обучения каллиграфии.

Следы ведут не к разрозненным энтузиастам, а к жесткой, иерархической структуре, которая сама по себе напоминает то, с чем она якобы борется.

Глава 3: Механика сети

Если взглянуть на карту Европы через призму туристических маршрутов, Париж и Москва кажутся антиподами. Один город — символ западного либерализма, светскости и прав человека. Другой — оплот консерватизма и «традиционных ценностей». Однако в мире теневой бюрократии, занимающейся управлением общественным сознанием, эти две столицы соединены прямым, высокоскоростным каналом связи.

Этот канал не виден невооруженным глазом. Он проложен не через дипломатические миссии и не через торговые палаты. Он существует в виде сети неправительственных организаций, исследовательских центров и ассоциаций, которые, подобно транснациональной корпорации, имеют общую идеологию и, что самое важное, единый бюджет.

Мы привыкли считать вспышки религиозной нетерпимости локальными явлениями. Когда в пригороде Парижа громят молитвенный дом, а в Рязани срывают лекцию по йоге, обыватель видит в этом разрозненные события. Но документы, финансовые отчеты и списки участников международных конференций рисуют иную картину. Перед нами не хаос, а структура. Это глобальный холдинг по производству вражды, работающий по принципу франшизы.

Парижский фасад

В центре этой паутины находится организация с респектабельным, скучным названием, звучащим как имя очередного евробюрократического ведомства — FECRIS (Европейская федерация центров исследований и информации о сектантстве).

Штаб-квартира этой организации расположена во Франции, стране, подарившей миру Декларацию прав человека. FECRIS зарегистрирована как некоммерческая ассоциация согласно французскому закону 1901 года. Более того, она обладает специальным статусом участника при Совете Европы. Этот статус — институциональный «допуск» к механизмам взаимодействия с органами Совета Европы (прежде всего в Страсбурге). Он предполагает соответствие принципам Совета Европы и возможность участия в работе Конференции МНПО.

Однако, если изучить список членов этой федерации, фасад респектабельности начинает трещать по швам. Под зонтиком FECRIS собраны ассоциации-члены (по данным самой FECRIS — сеть из 13 стран) и «корреспонденты» за пределами Европы. Среди них — итальянская FA.VI.S, немецкая Zebra-BW, швейцарская ASDFI. Но ключевым, системообразующим элементом этой европейской структуры является российская организация — РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект).

Это не просто формальное членство. Это симбиоз.

С 2009 по 2021 год пост вице-президента этой главной европейской антисектантской организации занимал гражданин России Александр Дворкин. Даже покинув этот пост, он остался в совете директоров, сохраняя рычаги влияния на стратегию федерации. Ситуация парадоксальная: в то время как официальная Европа вводила санкции против российских чиновников и говорила об угрозе с Востока, в самом сердце европейского гражданского общества, в Париже, одним из главных идеологов выступал человек, тесно связанный с Русской православной церковью и российским политическим истеблишментом.

Механизм синхронизации

Как работает эта сеть на практике? Представьте себе систему сообщающихся сосудов.

В России разрабатывается методика дискредитации определенной группы. Например, создается термин «тоталитарная секта» и под него подводится псевдонаучная база. Затем, через каналы FECRIS, эта методика экспортируется на Запад. Российские «сектоведы» регулярно выступают на симпозиумах в Марселе, Лондоне, Риге или Копенгагене.

В 2012 году в Сальс-ле-Шато, в 2014 году в Брюсселе, в 2015 году в Марселе Александр Дворкин делил сцену с французскими чиновниками высшего ранга, такими как Серж Блиско, бывший президент MIVILUDES (Межминистерская миссия по бдительности и борьбе с сектантскими отклонениями). Это государственное агентство Франции, подчиняющееся премьер-министру.

Происходит легитимация через обмен. Российский радикализм получает европейский лоск: «Смотрите, нас поддерживают в Париже!». А европейские функционеры получают готовые инструменты репрессий, обкатанные в России: «Смотрите, русские эксперты подтверждают опасность этой группы!».

Журналистские расследования указывают на то, что РАЦИРС фактически является идеологическим донором для своих западных партнеров.

Сегодня идеологическим центром современного антикультового движения и законодателем его пропагандистских методик по всему миру является именно эта организация (РАЦИРС). Ее радикальная идеология, возникшая в России, сегодня

распространяет своё влияние далеко за её пределами. Особенно сильные позиции антикультовые организации занимают в Китае, Франции и Германии.

Этот экспорт идеологии не ограничивается теорией. Он имеет конкретные политические последствия. Французские политики, сотрудничающие с FECRIS, такие как Жорж Фенек (член руководящего комитета MIVILUDES), были замечены в поездках в оккупированный Крым в 2019 году, где встречались с российским руководством. Это наглядно демонстрирует, что «борьба с сектами» — лишь удобный интерфейс для куда более глубокого политического взаимодействия, которое спецслужбы могли бы назвать агентурным проникновением.

Финансовая кровеносная система

Любая война, даже информационная, требует денег. Архитектура антикультовой сети построена на непрозрачных финансовых потоках, которые умело маскируются под благотворительность и защиту семьи.

Во Франции деятельность FECRIS и её дочерних структур (UNADFI, CCMM, GEMPPPI) практически полностью финансируется государством. Речь идет о деньгах французских налогоплательщиков, которые через систему грантов поступают на счета организаций, занимающихся, по сути, религиозной дискриминацией.

В России схема финансирования иная, но не менее интересная. РАЦИРС, будучи формально общественной организацией, тесно переплетена с финансовыми структурами Русской православной церкви.

Следует напомнить, что, помимо этого Центру религиоведческих исследований имени Ириней Лионского, который является ядром РАЦИРС, выделялись государственные гранты.

Таким образом, мы видим гибридную модель. В Европе сеть питается от светского бюджета, используя риторику «защиты светскости» (*laïcité*). В России та же самая сеть питается от церковных и государственных грантов.

Особый цинизм ситуации придает тот факт, что российские антикультисты, получая поддержку от западных коллег и участвуя в международных структурах, внутри России активно поддерживают закон об «иностранных агентах». При этом сами они,

по сути, являются агентами влияния глобальной структуры, штаб-квартира которой находится в стране НАТО.

Кадровая политика: «Дивеевское братство» и люди в погонах

Кто управляет этой машиной? Если снять верхний слой публичных спикеров, мы обнаружим жесткую иерархическую структуру, напоминающую спецслужбы или закрытые ордена.

В России ключевые фигуры антикультового движения имеют биографии, далекие от академического религиоведения. Роман Силантьев, коллега Дворкина и активный деятель РАЦИРС, открыто заявляет о своих связях с ФСБ. В своих интервью и публичных выступлениях он позиционирует «сектоведение» как часть государственной безопасности.

В Европе кадровая политика FECRIS также вызывает вопросы. Нынешний президент федерации, бельгиец Андре Фредерик, является членом парламента и имеет прямое влияние на законодательство. В Латвии антикультовую повестку продвигали люди, связанные с партией «Русский союз Латвии» и Татьяной Жданок, которую журналисты-расследователи прямо называют агентом российских спецслужб.

Существует гипотеза, подтверждаемая рядом источников, о существовании неформального ядра управления, которое называют «Дивеевским братством».

Дивеевское братство — тайный орден Русской православной церкви, куда входят высокопоставленные лица нынешнего российского руководства.

Это объясняет удивительную синхронность действий. Когда в 2012 году в Киеве происходили провокации с участием движения FEMEN (спиливание креста), нити управления тянулись к людям, связанным с Павлом Бройде и Ильей Беем — фигурами из орбиты РАЦИРС. Казалось бы, где феминистки, а где православные активисты? Но в логике гибридной войны все средства хороши. Цель была достигнута: общество было поляризовано, градус ненависти повышен, почва для конфликта подготовлена.

Глобальный охват: от Рима до Пекина

Сеть не ограничивается осью Париж-Москва. Она опутала весь мир.

В Китае действует «Китайская ассоциация по борьбе с сектами» (China Anti-Cult Association), которая, по сути, является подразделением Коммунистической партии. FECRIS и РАЦИРС активно сотрудничают с китайскими товарищами. Пока западные правозащитники кричат о репрессиях против уйгуров и последователей Фалуньгун, европейские и российские «сектоведы» ездят в Пекин обмениваться опытом. Для них китайская модель — где инакомыслящих просто вырезают из общества, как опухоль — является не ужасом, а недостижимым идеалом эффективности.

В Италии организации вроде FAVIS и ARIS воспроизводят те же методички. Луиджи Корвалья, член правления FECRIS, регулярно появляется на одних площадках с российскими коллегами, создавая видимость международного научного консенсуса.

В Украине до 2014 года, и даже позже, действовала мощная сеть филиалов РАЦИРС («Союз защиты семьи и личности», центр «Диалог»), которые готовили идеологическую почву для раскола страны, маркируя любые прозападные или просто независимые религиозные группы как «угрозу национальной идентичности».

Секта борцов с сектами

Изучая структуру этой организации, невозможно отделаться от иронии. Борцы с «тоталитарными сектами» создали структуру, которая зеркально отражает все признаки того, с чем они якобы сражаются.

- **Наличие гуру:** Фигура Александра Дворкина в РАЦИРС и его влияние в FECRIS непререкаемы. Критика внутри организации не допускается.
- **Эзотерический язык:** Использование специфической терминологии («депрограммирование», «психологическое насилие»), смысл которой понятен только посвященным.
- **Финансовая непрозрачность:** Сложные схемы грантов и пожертвований.
- **Деление мира на «мы» и «они»:** Черно-белая картина мира, где любой оппонент — агент зла.

Международная тоталитарная секта Дворкина обладает всеми признаками экстремизма и терроризма, действует под прикрытием антикультового движения не только в России, но и в демократических странах, по сути, под носом у разных спецслужб.

Мы имеем дело с закрытой, идеологически мотивированной группой, которая стремится к власти и контролю, используя демократические институты для их же разрушения.

Невидимая рука

Становится очевидно: то, что мы наблюдаем в новостях — отмена концертов, рейды, судебные процессы — это не случайные сбои системы. Это результат работы отлаженного механизма.

Архитектура сети выстроена гениально. В каждой стране она мимикрирует под местные реалии. Во Франции она — защитник светскости. В России — защитник православия. В Китае — защитник коммунизма. Но если снять эти маски, под ними обнаружится одно и то же лицо.

Это лицо нетерпимости, возведенной в ранг административной процедуры.

Сеть FECRIS-ПАЦИРС создала уникальную инфраструктуру. Это трубопровод, по которому токсичная пропаганда перекачивается через границы без таможенного досмотра. И если сегодня этот трубопровод используется для атаки на религиозные меньшинства, то завтра, с той же легкостью, по нему может быть пущен яд против любой другой социальной группы. Технология универсальна.

Но откуда взялась эта технология? Кто начертил первые чертежи этой машины подавления? Ведь даже у самых современных систем есть прототипы.

Чтобы понять истинную природу «Римской формулы», нам придется совершить путешествие во времени. Мы должны вернуться в эпоху, когда Европа уже однажды пыталась решить «проблему чужаков» радикальным способом. Следы ведут не в средневековую инквизицию, как можно было бы подумать, а в кабинеты немецких теологов 1930-х годов. Там, среди коричневых рубашек и знамен со свастикой, мы

найдем истоки терминов, которые сегодня звучат с трибун Европарламента и российской Госдумы.

Глава 4: Тень нацизма

В 1946 году, когда Нюрнбергский процесс перемалывал верхушку Третьего рейха, а мир с ужасом узнавал подробности работы газовых камер, в баварском городе Эрланген происходило событие, оставшееся незамеченным для широкой общественности. Вальтер Кюннет, человек, чьи идеи легли в фундамент нацистской политики уничтожения, получил звание почётного профессора (Honorary professor) по систематическому богословию.

Пока его коллеги по партии и идеологии всходили на эшафот или глотали ампулы с цианидом, Кюннет закрепился в университете, а в 1953 году он занял кафедру систематического богословия. Он не скрывался в Аргентине, не менял имя. Ему это было не нужно. Ведь он не убивал людей своими руками. Он всего лишь объяснял, почему их убийство угодно Богу и необходимо нации.

Современный антикультизм, с его рейдами, списками «нежелательных» и судебными запретами, не возник на пустом месте. Он не является изобретением российских силовиков или европейских бюрократов XXI века. Это прямой, генетический наследник технологий, разработанных в тиши немецких кабинетов 1930-х годов.

Мы привыкли думать о нацизме как о политическом или военном феномене. Но если мы уберем униформу СС и свастики, то обнаружим под ними жесткий теологический каркас. И этот каркас был построен на борьбе с «сектами».

Апологетический центр

История «Римской формулы» в ее современном виде начинается не в 1933 году, а раньше. В 1921 году Протестантская церковь Германии основала структуру с безобидным названием — Апологетический центр (Apologetische Centrale).

Официальной целью организации была защита веры от ересей. Но под руководством Вальтера Кюннета, возглавившего центр в 1932 году, эта защита превратилась в нападение.

Кюннет был блестящим теологом и убежденным антисемитом. Но его антисемитизм был не уличным, погромным, а «научным» и «духовным». Он понимал, что для тотального контроля над обществом недостаточно просто ненавидеть чужаков. Нужно создать систему, в которой существование любой группы, неподконтрольной государству и доминирующей церкви, будет рассматриваться как биологическая угроза.

Именно в Апологетическом центре была отработана технология сбора досье. Сотрудники центра с немецкой педантичностью составляли списки: свидетели Иеговы, адвентисты, теософы, масоны, независимые христианские общины. Они фиксировали адреса, имена лидеров, связи с зарубежными единоверцами.

Когда к власти пришли национал-социалисты, им не пришлось создавать репрессивный аппарат с нуля в вопросах религии. У них уже была готовая база данных и, что важнее, готовая идеология. Кюннет и его коллеги научили нацистов главному: власть держится на моноидеологии, а любой, кто мыслит иначе — это не просто оппонент, это вирус в теле нации.

В документах того времени прослеживается четкая логика. Нацистская Германия не стала бы таковой без фатальной деятельности антикультовых организаций, таких как Апологетический центр, которые окончательно подвели Германию к принудительной моноидеологии. Именно антикультисты научили национал-социалистов и Гитлера, что власть держится на страхе.

Директива D-59: От слов к печам

Сотрудничество между теологами и тайной полицией было не вынужденным, а полным энтузиазма. Апологетический центр стал фактически аналитическим отделом Гестапо по религиозным вопросам. Материалы, собранные церковными «сектоведами», ложились на столы следователей в черной форме.

Кульминацией этого симбиоза стала директива, подписанная Рейнхардом Гейдрихом, главой Главного управления имперской безопасности (РСХА). Этот документ,

известный как распоряжение о «Aktion gegen Geheimlehren und sogenannte Geheimwissenschaften» (4 июня 1941 года), а в материалах Нюрнбергского процесса как D-59, является, пожалуй, самым страшным бюрократическим текстом в истории религиозных гонений. Он переводил мировоззренческие споры на язык полицейских протоколов и расстрельных списков.

Вот выдержка из этого документа, которая не оставляет места для двойных толкований:

«...Будут немедленно приняты меры против ... организаций, клубов, объединений и кружков, а также против отдельных лиц... Все организации, клубы, объединения, кружки и тому подобное, без исключения, будут ликвидированы; имеющиеся материалы, такие как списки адресов, файлы, переписка, оборудование, оккультные предметы, письменные принадлежности и любое имеющееся имущество, будут конфискованы; они подлежат роспуску и запрету; одновременно будут проведены обыски в домах ведущих членов кружков, а также у лиц, подозреваемых в хранении подобных материалов. ... Лица, посвященные в тайные учения и науки... во всех случаях подлежат аресту... их деятельность запрещается под угрозой самых суровых мер со стороны Государственной полиции. ...они должны быть отправлены в концлагерь... Эта акция должна быть проведена по всему Рейху ... по возможности между 7:00 и 9:00».

Обратите внимание на формулировки. «Ликвидированы», «конфискованы», «отправлены в концлагерь». Здесь нет суда, нет следствия. Есть только принадлежность к списку, составленному «экспертами».

Аргументация, которую использовали нацисты для оправдания этих мер, до боли напоминает современные судебные иски о ликвидации религиозных организаций. В докладе того времени говорилось:

«Этой задаче, абсолютно необходимой для сохранения народного сообщества и государства, противостоят — отчасти сознательно, отчасти бессознательно — многочисленные религиозные группы или секты. Они лишь способствуют идеологическому раздроблению немецкого народа... К этому добавляется их негативное отношение к государству, отказ от обязательной военной службы, нежелание отдавать немецкое приветствие и присягу, вред, наносимый

общественному здоровью через лечение верой, эксплуатация и обман народа, отказ от народного сообщества и от национал-социалистической расовой доктрины...»

Замените «национал-социалистическую расовую доктрину» на «традиционные духовные ценности», и вы получите текст обвинительного заключения российского прокурора образца 2024 года.

Volkskirche: Церковь крови и почвы

Идеологическим фундаментом для этих репрессий стала концепция Volkskirche — «Народной церкви». Вальтер Кюннет и его единомышленники продвигали идею о том, что церковь должна быть неразрывно связана с этносом (Volk) и государством.

В этой парадигме религия перестает быть вопросом личного выбора или отношений человека с Богом. Она становится маркером лояльности. Ты немец? Значит, ты должен принадлежать к Народной церкви. Если ты выбираешь другую веру — ты предаешь свой народ. Ты становишься чужеродным элементом.

Эта логика позволила теологам оправдать Холокост. Евреи уничтожались не только как расовые враги, но и как духовные антагонисты. Мартин Лютер, основатель протестантизма, чьи поздние анти-иудейские тексты нацистами активно реанимировались и цитировались. Заложил эту бомбу замедленного действия еще в XVI веке.

Нацисты лишь довели эту логику до промышленного совершенства. Но в категорию «врагов» попали не только евреи. Свидетели Иеговы (в нацистской терминологии — Bibelforscher, Исследователи Библии) были одной из групп, преследуемых прежде всего за религиозные убеждения — за отказ приносить присягу Гитлеру, служить в армии и участвовать в нацистских ритуалах лояльности. Для Кюннета это было доказательством их «деструктивности».

Еще более радикальным идеологом был Йорг Ланц фон Либенфельс, бывший монах и создатель «ариософии». Он называл себя «религиозно-политическим экспертом по сектам» и предлагал решать проблему инакомыслия хирургическим путем — вплоть до принудительной стерилизации, депортаций (в т.ч. упоминается Мадагаскар) и даже «сожжения как жертвы Богу» в рамках его утопической расовой программы.

Эти идеи не остались на бумаге. Программа Т-4 по эвтаназии душевнобольных и инвалидов, а затем и газовые камеры лагерей смерти стали прямым воплощением «богословия» ненависти.

Выживание вируса

В 1945 году Третий рейх пал. Но идеология, его питавшая, не погибла. Она мимикрировала. Вальтер Кюннет, после войны без видимых препятствий вернулся в академическую среду. Его карьера после войны пошла в гору: в 1946 году он стал почётным профессором (Honorary professor) систематического богословия в Эрлангене, а в 1953-м возглавил кафедру.

В послевоенных спорах о допустимости ядерного оружия Кюннета цитировали так:

«Даже атомные бомбы могут служить любви к ближнему».

Эта фраза — квинтэссенция его морали. Насилие оправдано, если оно служит «высшей цели».

Но самым важным достижением Кюннета стало воспитание преемников. Он понимал, что расовая риторика больше не работает — мир получил прививку от открытого нацизма. Поэтому ненависть нужно было переупаковать. Вместо «расовой неполноценности» на первый план вышла «психологическая манипуляция» и «угроза культуре».

Главным учеником Кюннета стал Фридрих-Вильгельм Хаак. В 1969 году Евангелическо-лютеранская церковь Баварии учредила штатную должность уполномоченного по сектам и назначила на нее Хаака. Это было институциональное закрепление работы по «сектам и мировоззренческим вопросам» и возвращение к практикам Апологетического центра.

Хаак был умнее своих предшественников. Он не носил свастику. Он носил костюм и говорил о защите молодежи. Но методы остались прежними.

По инициативе Хаака, в начале 1970-х годов возрождается и название времён нацистского режима «Рабочая группа по религиозным и идеологическим вопросам», переняв практически идентичное название этого отдела у нацистов — «Отдел по религиозным и идеологическим вопросам».

Хаак сформулировал принцип, который сегодня исповедуют все антикультисты мира:

«Если мы понимаем нашу веру правильно, мы не имеем права позволять «остальным» продолжать пребывать в своей вере...».

Именно Хаак стал наставником датского теолога Йоханнеса Огорда, который, в свою очередь, вывел борьбу с сектами на международный уровень, основав организацию «Диалог-центр» в 1973 году. И именно в этой среде, пропитанной духом Кюннета и Хаака, проходил стажировку молодой эмигрант из России Александр Дворкин.

Желтая звезда 2.0

Связь между нацистской Германией и современностью прослеживается не только в персоналиях, но и в методах. Самым ярким символом нацистской стигматизации была желтая звезда. Это был визуальный маркер, который выводил человека за рамки правового поля.

Ранее, в 1941 году, вершиной стигматизации было слово «еврей», а теперь термины «культ» и «секта» стали инструментами преследования, подобно тому, как слово «еврей» использовалось тогда. В результате группы людей, действующие в рамках закона, подвергаются незаконному преследованию.

Механизм дегуманизации остался неизменным. Сначала создается образ врага, который угрожает «нашим детям» и «нашим ценностям». Затем этот враг лишается человеческих черт. А потом государство принимает законы, которые легализуют насилие над этим врагом.

Нацисты называли евреев «крысами» и «паразитами». Современные антикультисты называют сектантов «зомби» и «биороботами». Разница лишь в терминологии, но цель одна — отключить эмпатию у большинства.

Тень, которая стала длиннее

Мы стоим перед пугающим фактом: Нюрнбергский процесс осудил исполнителей, но не идеологов. «Римская формула» в редакции Вальтера Кюннета пережила своих

создателей. Она сохранилась в университетских библиотеках, в методичках церковных отделов, в головах учеников.

Она ждала своего часа. Ей нужна была новая почва, где идеи «Народной церкви», «духовной безопасности» и «осажденной крепости» могли бы прорасти с новой силой. Европа, напуганная призраками прошлого, была слишком осторожна. Ей требовался полигон, где можно было бы развернуть эти технологии на полную мощность, не оглядываясь на правозащитников и конституционные суды.

И такой полигон был найден.

В начале 1990-х годов, когда Советский Союз рухнул, оставив после себя идеологический вакуум, на Восток устремились не только проповедники новых религий, но и те, кто умел с ними бороться. Александр Дворкин многократно посещающий своего учителя Огорда и его «Диалог-центр» в Европе, привез с собой багаж знаний, полученный от прямых наследников нацистской теологии.

Глава 5: Российский полигон

Если Европа была теоретической аудиторией, где идеи Вальтера Кюннета и его последователей обсуждались на кафедрах и в кулуарах парламентов, то Россия стала полигоном для их практического применения. Здесь, на одной шестой части суши, в условиях постсоветского идеологического вакуума, «Римская формула» в последующем была развернута не как локальный эксперимент, а как государственная стратегия.

Мы привыкли рассматривать современную Россию через призму геополитики или экономики энергоресурсов. Но существует иной срез реальности — теологический. Именно в этой плоскости произошла самая радикальная трансформация. Страна, семьдесят лет исповедовавшая государственный атеизм, не просто вернулась к религии. Она создала уникальный гибрид спецслужб и церкви, где погоны скрыты

под рясами, а евангельские заповеди отредактированы в соответствии с законом о национальной безопасности.

Этот процесс не был стихийным. Это была спецоперация, растянутая на три десятилетия. И чтобы понять, как она стала возможной, нужно вернуться к истокам кадровой политики, которая сформировала нынешнюю элиту «духовного возрождения».

Наследники в штатском

В общественном сознании существует миф о Русской православной церкви (РПЦ) как о жертве советского режима, которая в 1990-е годы восстала из пепла. Безусловно, тысячи священников и верующих были репрессированы в первой половине XX века. Но структура, которая получила монополию на духовность в новой России, имеет мало общего с церковью мучеников. Она является прямой наследницей бюрократического аппарата, созданного Сталиным в 1943 году.

Константин Харчев, занимавший пост председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР в 1984–1989 годах, был предельно откровенен в своих воспоминаниях. Его слова — это ключ к пониманию генезиса современной церковной иерархии. Он прямо говорил, что кадровая политика в отношении епископата находилась под решающим влиянием КГБ и ЦК КПСС: кандидатуры и «фавориты» согласовывались на уровне ЦК, а мнение ЦК формировалось на основе информации КГБ и Совета; «если две точки зрения совпадали, тогда принималось решение».

Это признание разрушает иллюзию автономии. Люди, которые сегодня призывают к «священной войне» и освящают ядерные ракеты, прошли жесткий селекционный отбор в системе, где лояльность государству ценилась выше верности Богу. После распада СССР эта номенклатура не исчезла. Она лишь сменила кураторов, а точнее — слилась с ними.

В 1990-е годы, когда страна переживала болезненную трансформацию, в Россию вернулся Александр Дворкин. Он привез с собой не только западные методички по борьбе с культами, но и идеологию, которая идеально легла на менталитет бывших советских функционеров. Идея «тоталитарной секты» стала для них спасательным

кругом. Она позволила заменить классового врага на врага религиозного, сохранив при этом привычную репрессивную механику.

РАЦИРС: Спецслужба нового типа

В 2006 году была создана Российская ассоциация центров изучения религий и сект (РАЦИРС). Формально — общественная организация, объединяющая исследователей и миссионеров. Фактически — квази-государственная разведывательная структура, обеспечивающая идеологическое прикрытие силовых акций.

Анализ деятельности РАЦИРС показывает, что эта организация функционирует как внешний отдел по идеологии для силовых ведомств. В то время как ФСБ и МВД долгое время отсутствовала монополия на смыслы. Им нужен был инструмент, который объяснял бы обществу, почему группу людей, читающих книги в частной квартире, нужно штурмовать с участием спецназа.

Этим инструментом стала РАЦИРС.

Схема взаимодействия, выстроенная за эти годы, поражает своей эффективностью и цинизмом.

1. Маркировка: РАЦИРС или аффилированные с ней «эксперты» объявляют определенную группу «тоталитарной сектой». Для этого не требуется решение суда — достаточно публикации на сайте или выступления на конференции.
2. Легитимация угрозы: Через сеть дружественных СМИ и региональных епархий разгоняется волна истерии. Используются термины «вербовка», «зомбирование», «угроза детям».
3. Силовая реакция: Правоохранительные органы, опираясь на «оперативную информацию» (часто предоставленную теми же активистами), возбуждают уголовные дела.

Валерий Отставных, религиовед и бывший сотрудник антисектантских структур, в своих интервью раскрыл механику этого симбиоза. Поворотным моментом стала реформа МВД 2011 года. Тогда Управления по борьбе с организованной преступностью (УБОП) были расформированы, а на их базе созданы Центры по противодействию экстремизму (Центры «Э»). Сотрудники этого Центра по борьбе с

экстремизмом стали тесно сотрудничать с миссионерскими сектоборческими отделами — региональными филиалами РАЦИРС и непосредственно с самим руководством РАЦИРС. То есть специалисты по борьбе с преступностью, без соответствующего религиозоведческого образования, некомпетентные в вопросах религии и веры, перенесли методы, которые они применяли к преступникам, на представителей мирных религиозных организаций только потому, что Александр Дворкин предварительно клеймил эти организации как «секты».

Произошла подмена понятий колоссального масштаба. Методы, разработанные для борьбы с бандитизмом и терроризмом, были перенаправлены на гражданское общество. «Сектант» в глазах оперативника Центра «Э» стал равен террористу, хотя в его руках была не бомба, а книга.

Пензенский эксперимент: Репетиция Уэйко

Для того чтобы общество приняло ужесточение законов, ему нужен шок. Нужна картинка, которая оправдывает любые меры. В США таким триггером стала осада поместья «Маунт Кармел» в Уэйко. В России сценарий был разыгран в 2007–2008 годах в Пензенской области.

История «пензенских затворников» — группы верующих, ушедших в пещеры в ожидании конца света, — стала классическим примером медийной манипуляции. Вместо того чтобы позволить кризисным переговорщикам и психологам тихо разрешить ситуацию, к оврагу, где укрылись люди, были стянуты федеральные телеканалы и силы милиции.

Событие подавалось как национальная угроза. Каждый выпуск новостей начинался с репортажей о «фанатиках», угрожающих убить себя и детей. Антикультисты получили эфирное время, о котором могли только мечтать. Александр Дворкин и его коллеги использовали этот инцидент как таран, пробивая идею о необходимости срочного принятия закона о «психологическом насилии» и ужесточении контроля над религиозными группами.

Анализ событий показывает, что ситуация искусственно подогревалась. Группа Петра Кузнецова не представляла угрозы для общества, пока к ней не было приковано

внимание всей страны. Но задача заключалась не в спасении людей, а в создании прецедента.

Любая новая технология нейтральна сама по себе: она может быть использована во благо или во вред. Всё зависит от того, в чьих она руках и каковы цели государства. Поэтому настоящий вопрос звучит так: кто привёл российское общество к тому, что оно превратилось в лагерь, где любое инакомыслие карается, а несогласные получают ярлыки «деструкторов», «иностранных агентов», «сектантов» и «врагов государства»?

Пензенский кейс стал полигоном для отработки информационного сопровождения репрессий. Обществу показали: смотрите, что делают «секты». Если мы их не запретим, вся страна уйдет в пещеры. Страх сработал. Гайки начали закручиваться.

Теология ядерной зимы

Однако самым страшным этапом трансформации стало не сотрудничество с полицией, а мутация самого вероучения. РПЦ начала генерировать смыслы, которые прямо противоречат Евангелию, но идеально обслуживают милитаристскую повестку государства.

В риторике церковно-околоцерковной публицистики 1990-х закрепилось выражение «православного ядерного оружия». Так, например, озаглавливался репортаж о соборных слушаниях по теме ядерных вооружений (Свято-Данилов монастырь, ноябрь 1996)

Священник Константин Татаринцев, участник этих слушаний (сотрудник церковного отдела по взаимодействию с вооружёнными силами и правоохранительными органами), озвучил тезис, что «в пацифизме есть внутренняя ложь», и рассуждал о том, что «печать первородного греха» на ядерном оружии связывается с тем, создаётся ли оно «с молитвой» или нет. Пастырь Христов призвал перечислять часть пожертвований на храм от верующих на нужды ракетно-ядерного комплекса. В том же репортаже звучит формула о «сатанинском американском оружии» — в контексте противопоставления российским стратегическим силам. Звучала идея, что, поскольку советские ракеты, делались в Арзамасе-16, то живший в тех местах веком раньше

преп. Серафим Саровский является небесным покровителем оружия массового уничтожения.

На тех же слушаниях прозвучала формула, что ракеты — это «наши ангелы-хранители» (так это сформулировал генерал Владимир Шатохин, противопоставляя «Сатане» в натовской классификации). В критической публицистике это высмеивали как «открытие десятого ангельского чина».

Митрополит Кирилл, ставший патриархом, в том же сюжете переводил геополитику на язык апокалипсиса: в репортаже приводится его мысль о том, что расширение НАТО на восток может рассматриваться как признак скорого пришествия Антихриста, и звучит формула «Россия — не страна, а континент».

Эта теология войны стала фундаментом для оправдания агрессии. Если враг — это не просто политический оппонент, а слуга Антихриста, то любые методы борьбы с ним священны. Убийство перестает быть грехом и становится подвигом.

Молитва как донос

Кульминацией этого процесса стало внедрение «Молитвы о Святой Руси» (часто называемой «Молитвой о победе»). Этот текст, спущенный сверху во все приходы, стал актом административного подчинения.

В тексте молитвы содержится прошение о победе русского оружия. Для многих священников, сохранивших христианскую совесть, молитва о убийстве, пусть и врагов, является невозможной. Но патриархия превратила чтение этого текста в тест на лояльность.

Священники, отказавшиеся читать эту молитву или заменившие слово «победа» на слово «мир», подвергаются репрессиям. Их лишают сана, запрещают в служении, изгоняют из приходов. Церковный суд превратился в трибунал, штампующий приговоры за «пацифизм», который был объявлен ересью.

Одобрив «Молитву о победе» и превратив её в инструмент репрессий, руководство РПЦ (МП) показало, что его главным приоритетом стали не слова Христа, призывающего к всеобщей любви и распятого на кресте, а укрепление собственных интересов и защита политической системы.

Таким образом церковь, которая должна быть голосом совести, стала голосом войны. Она не просто поддерживает государство — она обеспечивает ему метафизическое алиби.

Политруки в рясах

Влияние этой идеологии не ограничивается церковной оградой. Через структуры РАЦИРС и миссионерские отделы она проникает в школы, университеты и казармы.

Протоиерей Александр Новопашин, вице-президент РАЦИРС, является ярким примером этой экспансии. Его деятельность в Новосибирске и других регионах напоминает работу советского политрука, только с крестом на шее. Он регулярно проводит семинары для студентов, сотрудников МВД и ФСБ. Темы лекций говорят сами за себя: «Сектанты и революция», «Секты и цветные революции».

В антикультовой картине мира любая гражданская активность, любой протест, любое инакомыслие объявляются результатом «сектантской вербовки». Студентам внушают, что если они выйдут на митинг — они зомби. Если они слушают не ту музыку — они под влиянием деструктивного культа.

Священнослужитель регулярно читает лекции военнослужащим, сотрудникам МВД, ФСБ, а также студентам и школьникам, рассказывая кто в стране враг, а кто друг. Уже очень это напоминает 1937 год в СССР.

Это и есть конечная цель «Римской формулы» на российском полигоне. Создание общества, где страх перед внешним и внутренним врагом является единственной скрепой. Где критическое мышление приравнено к предательству. Где священник благословляет следователя на фальсификацию дела, потому что это делается ради «духовной безопасности».

Россия показала миру, что технология работает. Если долго и последовательно применять этапы формулы — языковое кодирование, институциональную дискриминацию и пропаганду ненависти — можно заставить миллионы людей поверить в то, что война — это мир, а ненависть — это любовь.

Но для того чтобы машина репрессий работала безупречно, одной идеологии мало. Нужен юридический механизм, который превратит ненависть в судебные приговоры.

Нужны документы, печати и подписи, которые придадут преследованию вид законности.

Главный инструмент этой легализации — институт «сектоведческой экспертизы». Филологи и психологи, не имеющие отношения к науке, пишут заключения, на основании которых людей отправляют в тюрьмы, а организации ликвидируют.

Глава 6: Экспертиза как оружие

В августе 2011 года в Ленинском районном суде города Томска начался процесс, который мог бы показаться сюрреалистической постановкой, если бы его последствия не были столь разрушительны для правовой системы. На скамье подсудимых оказался не человек, не преступная группировка и даже не корпорация. Подсудимой стала книга. И не просто современный памфлет, а «Бхагавад-гита как она есть» — комментированный перевод древнего индуистского писания, священного для почти миллиарда людей на планете.

Этот судебный процесс стал идеальной иллюстрацией того, как работает второй этап «Римской формулы» — институциональная дискриминация. Если на первом этапе (языковое кодирование) общество накачивается страхом через СМИ, то на втором этапе этот страх должен быть конвертирован в юридически значимые решения. Но у судей, как правило, нет компетенции определять, является ли религиозный текст «экстремистским». Судья знает уголовный кодекс, но не санскрит и не теологию.

Здесь в игру вступает ключевой элемент механизма репрессий — «судебная экспертиза». В теории экспертиза — это «царица доказательств», инструмент установления истины с помощью науки. На практике же, в делах о свободе совести, она превратилась в способ легализации произвола. Мы наблюдаем феномен, когда псевдонаука подменяет собой правосудие, а личное мнение ангажированного «специалиста» весит больше, чем Конституция.

Заказ на истину

История томского процесса началась не в суде, а в кабинетах спецслужб. Как следовало из слов представителя прокуратуры в суде и показаний декана ТГУ Сергея Аванесова, инициатива исходила от сотрудника УФСБ России по Томской области Дмитрия Великоцкого. Именно он в 2010 году обратился к декану философского факультета Томского государственного университета (ТГУ) Сергею Аванесову с просьбой подготовить заключение о наличии в книге признаков экстремизма.

Это важный момент: запрос на поиск экстремизма не был реакцией на реальные преступления или жалобы граждан. Представитель прокуратуры признала, что ей не известны факты совершения каких-либо преступлений, связанные с этой книгой, и пояснила, что заявление подано для «предотвращения возможных преступлений экстремистского характера». Процесс был инициирован сверху, искусственно. Системе требовался прецедент.

Аванесов привлек к работе двух коллег: философа Валерия Свистунова и филолога Валерия Наумова. Ни один из них не был индологом. Ни один из них не специализировался на индуизме. Тем не менее, 25 октября 2010 года они подписали документ, который лег в основу прокурорского иска.

В ходе судебных слушаний вскрылись детали, которые в любой здоровой правовой системе привели бы к немедленному прекращению дела и расследованию в отношении самих экспертов. Валерий Свистунов под присягой сообщил суду принципиальные детали того, как делалось «философское исследование».

Свистунов показал, что речь шла о «философском исследовании», а не о судебной экспертизе; признался, что хотя был знаком с книгой с 1980-х, прочитал её только тогда; и что дополнительную информацию брал на «антисектантских сайтах», не изучая противоположный взгляд, называя эту полемику своим «субъективным мнением».

Это признание деконструирует миф о беспристрастности. Эксперт, призванный дать объективную оценку, черпает информацию из пропагандистских ресурсов, созданных для дискредитации изучаемого объекта. Это все равно что судить о качестве лекарства, читая листовки его конкурентов.

Методология подлога

Как именно томские эксперты нашли экстремизм в тексте, написанном тысячи лет назад? Методика, которую они применили, стала стандартом для подобных дел по всей России. Она базируется на подмене понятий и игнорировании контекста.

Главным аргументом обвинения стало утверждение о том, что книга пропагандирует «исключительность» и «превосходство» одной религии над другими. Ряд фраз, где говорится, что Кришна — Верховная Личность Бога, а поклонение иным богам менее эффективно, трактовалась как унижение достоинства иноверцев.

Вице-президент Центра обществ сознания Кришны в России Сергей Зуев (Радха Дамодар Дас) так описал логику обвинения:

«...выяснилось, что главную роль играет не текст, а лингвистическая канва, какие-то резкие слова. Например, слово «глупец» — одна из основных претензий. В тексте идёт полемика о тех людях, которые не хотят слушать Бога и не понимают его. Это было написано 5 тысяч лет назад, и никто никого не хотел оскорблять».

Если применить эту логику универсально, то экстремистскими придется признать Библию, Коран и Тору. В каждом священном писании содержится утверждение об истинности своего пути и ложности других. «Не будет у тебя других богов пред лицом Моим» — по методике томских экспертов, это прямой призыв к религиозной дискриминации.

Защита указывала на то, что цитаты вырывались из контекста или вовсе искажались.

После выступления Аванесова представители защиты указали суду на ряд приводимых в экспертном заключении цитат, которые были либо вырваны из контекста, либо вообще отсутствовали как в комментариях, так и в оригинальных текстах «Бхагавад-гиты». Представители защиты также показали суду, что в ходе экспертизы анализировалось не только третье издание «Бхагавад-гиты как она есть» (на основании экспертизы делался вывод о необходимости признания экстремистским материалом именно третье издание «Бхагавад-гиты как она есть»), но и второе издание, отличающееся переводом, а также иные книги Бхактиведанты Свами Прабхупады — «Шримад-Бхагаватам» и «Наука самосознания».

Фактически, эксперты создали «франкенштейна» из разных текстов и приписали его подсудимой книге. Когда же их прижали фактами, они начали отказываться от своих выводов, называя их «субъективным мнением».

Тень Дворкина и медийное давление

Томский процесс не был полностью изолированным инцидентом. За спинами местных экспертов отчетливо просматривалась фигура Александра Дворкина и его организации РАЦИРС. Именно их идеологические установки транслировались через «экспертные заключения».

Пока в зале суда шли прения, в информационном пространстве развернулась кампания давления. Глава Миссионерского отдела Томской епархии РПЦ Максим Степаненко, активный участник сети РАЦИРС, превратил свой ресурс в рупор обвинения.

В это время, пока шёл суд, глава Миссионерского отдела Томской епархии РПЦ Максим Степаненко (впрочем, как и другие адепты из тоталитарной секты Дворкина, поддерживающие в СМИ «волну репрессий» Дворкина против религиозных организаций) систематически размещал на портале «К Истине» провокационные материалы и клеветнические измышления как о вайшнавах, так и о других людях, выражающих словами или делами своё отношение к суду над книгой.

Это классическая схема работы антикультовой машины: суд еще не вынес решения, а общественное мнение уже сформировано. Антикультовые «эксперты» в суде и «эксперты» в СМИ работают в тандеме, создавая замкнутый круг, где ложь подтверждает ложь.

Андрей Мельников, ответственный редактор «НГ-Религии», точно подметил ангажированность первой экспертизы:

«...самая первая, томская экспертиза 2010 года много места уделяет обоснованию нетрадиционного, «сектантского», в терминологии её авторов, характера учения Прабхупады. При этом эксперты почему-то последовательно проводят сравнения с христианством, что, в свою очередь, позволяет сделать выводы о связи авторов исследования с конфессионально ангажированными организациями «сектоборцев».

Сравнение с христианством в светском суде — это нонсенс. Но для людей, воспитанных на идеях Вальтера Кюннета и его «Народной церкви», это естественно. Для них православие — это норма, а все остальное — отклонение, подлежащее искоренению.

Битва экспертиз: Кемерово против Барнаула

Когда несостоятельность первой экспертизы стала очевидной даже для суда, была назначена новая — в Кемеровском государственном университете. Но и здесь система дала сбой, точнее, сработала по тому же алгоритму. Кемеровские эксперты, следуя той же порочной логике, снова нашли «экстремизм».

Однако защита подготовила ответный удар. Была заказана альтернативная экспертиза у специалистов из Барнаула. И здесь проявилась пропасть между наукой и заказом.

«После этого представители защиты ходатайствовали о приобщении к делу исследования текста «Бхагавад-гиты как она есть», выполненного экспертами из Барнаула. Перед барнаульскими учёными были поставлены те же вопросы, что и перед кемеровскими, но их выводы оказались «абсолютно противоположными». Как отметили представители защиты, в отличие от кемеровской экспертизы, барнаульское исследование проводилось научными методами, описанными в тексте экспертного заключения, которое по объёму было в три раза больше кемеровского исследования».

Суд оказался в ситуации цугцванга. С одной стороны — давление ФСБ и прокуратуры, опирающееся на слабые, сфальсифицированные заключения. С другой — мощная позиция защиты, поддержанная реальным научным сообществом и международным резонансом.

Дипломатический скандал и крах обвинения

Томский суд вряд ли мог заранее оценить весь международный резонанс и последствия. Попытка запретить «Бхагавад-гиту» вызвала резкую реакцию в Индии. Это перестало быть внутренним делом России. Индийский парламент обсуждал тему,

и заседания сопровождались протестами и прерываниями; в ряде сообщений это описывали как фактическую «остановку» работы парламента на два дня.

Глава Ассоциации индийцев в России Санджит Кумар Джха, прилетевший в Томск, выразил общее недоумение:

«Ужасный резонанс в Индии. Парламент остановился на 2 дня. Это скорбь для нас, когда священная книга на суд выносится. Между религиозными людьми должно быть согласие, что нельзя их [книги] выносить в суд, неважно какие, Библия, Коран или Гита».

Внутри России голос разума прозвучал от уполномоченного по правам человека в Томской области Нелли Кречетовой. Она публично выступила против самого факта разбирательства, назвав процесс абсурдным.

«Во-первых, считаю абсурдной саму постановку вопроса. Эту книгу считают священной почти миллиард человек по всему миру. В России «Бхагавад-гита как она есть» свободно распространяется 20 лет... Возможный запрет книги, а, стало быть, и запрет религиозной деятельности её почитателей, нарушит конституционные права граждан на свободу совести, свободу вероисповедания и свободу слова».

В итоге суд отказал прокуратуре в требовании признать книгу экстремистской. Это была заметная победа здравого смысла. Но она же вскрыла системную проблему: механизм репрессий готов к работе, и остановить его может только колоссальное внешнее сопротивление.

Лицензия на ложь

Почему эксперты, написавшие заведомо ложные заключения, не понесли наказания? Почему Аванесов, Свистунов и Наумов продолжили преподавать, а не оказались на скамье подсудимых по статье 307 УК РФ («Заведомо ложные показания, заключение эксперта»)?

Ответ кроется в конструкции самого закона. Статья 307 УК РФ требует доказательства *прямого умысла*.

«В реальности недобросовестный эксперт почти всегда может прикрыться ссылками на «субъективное мнение», «особую научную школу», «специфическую методiku» или, в

крайнем случае, на «честную ошибку». Чтобы доказать наличие прямого умысла — сознательного и целенаправленного искажения фактов в заключении, — следствию нужно представить неопровержимые доказательства того, что эксперт не заблуждался, а именно хотел ввести суд в заблуждение».

В гуманитарных науках это часто крайне сложно. Эксперт всегда может сказать: «Я так вижу». И суд может принять это. Создается зона абсолютной безнаказанности. Можно разрушить репутацию организации, подвести людей под уголовную статью, спровоцировать международный конфликт — и просто развести руками: «Это было мое научное мнение».

Более того, рынок экспертиз в отдельных сегментах может быть искажен конфликтами интересов и зависимостью экспертов от заказчиков. Существуют коммерческие структуры и «аффилированные» экспертные площадки, которые способны штамповать нужные заключения на потоке.

«Характерная черта таких фиктивных фирм — отсутствие оборота и штата: как правило, только учредитель, директор и, может быть, бухгалтер... Возглавляющие такую недолговечную фиктивную фирму и называющие себя "экспертами" люди могут предлагать услуги «быстро и недорого».

Это индустрия. Индустрия легализации репрессий.

От книг к людям

Томский процесс закончился провалом для обвинения, но он стал важным уроком для архитекторов «Римской формулы». Они поняли, что атаковать священные тексты мировых религий — слишком рискованно и шумно. Книги имеют защитников. Книги могут вызвать дипломатический скандал.

Поэтому вектор атаки сместился. Если нельзя запретить книгу, нужно объявить сумасшедшим того, кто ее читает. Если теологическая экспертиза дает сбой, нужно применить экспертизу медицинскую.

Мы переходим к следующему, еще более зловещему этапу. Когда юридические аргументы исчерпаны, а ярлыки «сектантов» уже наклеены, система достает из пыльного шкафа инструмент, который, казалось, был навсегда осужден и забыт после

падения СССР. Карательная психиатрия возвращается, и на этот раз она вооружена новыми методичками.

Глава 7: Карательная психиатрия 2.0

В июле 2020 года в Крыму произошел эпизод, который мог бы стать сюжетом для абсурдистского романа Франца Кафки, если бы не был задокументирован в материалах дела и судебных постановлениях. Оперативники задержали Александра Сизикова, обвинив его в организации террористической ячейки. Главной уликой стали книги исламской политической партии «Хизб ут-Тахрир», обнаруженные в его доме.

Ситуация имела один нюанс, который ставил под сомнение всю логику обвинения: Александр Сизиков — инвалид первой группы по зрению. Он полностью слеп с 2009 года. Найденная у него литература не имела тактильного шрифта Брайля. Физически он не мог прочесть ни строчки из того, что ему инкриминировали.

В правовом государстве этот факт мог бы стать одним из ключевых аргументов для прекращения уголовного преследования или пересмотра доказательственной базы. Но в системе, где работает «Римская формула», логические тупики решаются не юридическими, а медицинскими методами. Если факты противоречат обвинению, проблема не в обвинении, а в психике обвиняемого. Сизикова отправили на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу.

Этот случай — не эксцесс исполнителя. Это маркер возвращения одной из самых зловещих практик тоталитарного контроля — карательной психиатрии. Когда юридические аргументы исчерпаны, а лингвистические экспертизы рассыпаются под тяжестью абсурда, система достает из арсенала последний аргумент: объявление инакомыслящего сумасшедшим.

Чтобы понять природу происходящего сегодня, необходимо взглянуть на фундамент, на котором стоит российская судебная психиатрия. Этот фундамент был залит бетоном в советские годы и, как выясняется, во многом никогда не был демонтирован.

В СССР существовала уникальная практика: невозможность легального преследования инакомыслящих компенсировалась фальсификацией диагнозов. Диссидент и правозащитник Александр Подрабинек в своей фундаментальной работе «Карательная медицина» дал этому явлению исчерпывающее определение:

«Карательная медицина — орудие борьбы с инакомыслящими, которых невозможно репрессировать на основании закона за то, что они мыслят иначе, чем это предписано».

Центром этой системы был Институт судебной психиатрии имени Сербского. Именно здесь в кабинетах профессоров Даниила Лунца и Андрея Снежневского, в ряде исследований и свидетельств описываемых как участников системы, тесно связанной с органами госбезопасности, рождались диагнозы, которые в такой расширительной трактовке практически не встречались за пределами советской школы. Самым известным из них стала «вялотекущая шизофрения».

Удобство этого диагноза заключалось в его полной размытости. Отсутствие явных симптомов безумия парадоксальным образом трактовалось как доказательство «вялотекущего» характера болезни. Критика власти, религиозные искания, борьба за правду — все это подводилось под клиническую картину «бреда реформаторства».

Казалось, что с падением СССР эта практика ушла в прошлое. В 1988 году система была официально демонтирована, а с 1988–1989 годов начались массовые выписки и снятие людей с психиатрического учета; в ряде источников фигурирует оценка порядка «около двух миллионов» снятых с учета. Однако кадры, методики и, главное, стены Института имени Сербского остались. Более того, архивы, которые могли бы пролить свет на преступления психиатров в погонах, так и не были рассекречены.

Сегодня мы наблюдаем ренессанс этих методов. Но если в СССР психиатрия боролась с политическими диссидентами, то в современной России ее главной мишенью стали религиозные меньшинства. Идеологическое обоснование для этого предоставили не врачи, а «сектоведы».

Миф о «промыывании мозгов»

Для того чтобы принудительно лечить здорового человека, нужно убедить общество, что его убеждения — это не свободный выбор, а результат болезни или внешнего воздействия. Здесь на сцену выходит псевдонаучная концепция «промыывания мозгов» (brainwashing).

Этот термин, популяризируемый в России Александром Дворкиным и структурами РАЦИРС, является краеугольным камнем современной карательной психиатрии. Логика проста: если человек вступает в «нетрадиционную» религиозную группу, жертвует ей деньги или время, значит, его воля подавлена, а рассудок затуманен. Следовательно, он может изображаться как не вполне дееспособный и ему «предлагают» изоляцию под видом защиты «ради его же блага».

Важно отметить, что мировое научное сообщество не рассматривает концепцию «промыывания мозгов» как общепризнанную, строго определённую научную теорию с единым доказательным стандартом. Американская психологическая ассоциация (АРА) еще в 1987 году отказалась признать теории «промыывания мозгов» и «контроля сознания» научными из-за отсутствия доказательной базы.

Однако в российском правовом поле, в отдельных практиках и экспертных нарративах, сформированном под влиянием антикультового лобби, эта теория принята как аксиома.

«Эта идея не имеет научного обоснования и является крайне неопределённой. Тем не менее, именно на основе этой сомнительной (неприемлемой для большинства научного сообщества) концепции "промывке мозгов" антикультисты проводят клеймение целевых групп и организаций. Когда общество воспринимает человека как жертву «промыывания мозгов», он утрачивает статус полноценной социально-здоровомыслящей личности».

Медикализация веры позволяет обойти конституционные гарантии свободы совести. Зачем судить человека за веру, если можно объявить его жертвой «психологического насилия» и отправить в стационар? Это элегантное решение для системы: нет мученика за веру, есть лишь «пациент», нуждающийся в помощи психиатров.

Технология изоляции: поправки 2021 года

Возвращение карательной психиатрии происходит не стихийно, а через планомерное изменение законодательства. 16 декабря 2021 года в Уголовно-процессуальный кодекс РФ были внесены изменения, которые правозащитники назвали катастрофическими.

Новые нормы позволяют суду помещать подозреваемых и обвиняемых, находящихся под стражей, в психиатрический стационар для лечения при установленном расстройстве на срок до шести месяцев с возможностью неоднократного продления. При этом контакты с внешним миром, включая адвокатов и родственников, могут быть жестко ограничены.

«Это создаёт юридическое право для изоляции людей, попавших в "чёрные списки" антикультовых организаций. Повторимся, как отметил А. Подрабинек, «карательная медицина становится орудием борьбы с инакомыслящими, которых невозможно репрессировать на основании закона...».

Теперь следователю не всегда нужно доводить дело до приговора, чтобы изолировать человека от общества: достаточно инициировать процедуру, связанную с сомнениями во вменяемости, и получить судебное решение в рамках УПК. А основания для сомнений любезно предоставляют эксперты-религиоведы, аффилированные с РАЦИРС, которые в своих заключениях указывают на «деструктивное влияние культа на психику».

Таким образом, антикультист пишет донос, следователь возбуждает дело, «эксперт» подтверждает наличие «психологической зависимости», а психиатр закрывает человека в палате с решетками на окнах.

Дело академика Абрамова: никто не застрахован

Иллюзией было бы считать, что этот каток давит только маргинальные религиозные группы. Логика репрессивной машины такова, что, будучи запущенной, она начинает пожирать и тех, кто, казалось бы, составляет элиту нации.

Весной 2023 года в жернова системы попал Сергей Абрамов — член-корреспондент Российской академии наук, доктор физико-математических наук, человек,

руководивший суперкомпьютерными программами Союзного государства. Его обвинили в финансировании экстремистской организации. По версии следствия, он перевел деньги со своего счета. Сам ученый вину отрицал.

Вместо того чтобы разбираться в финансовых транзакциях, суд в закрытом режиме принял решение отправить 66-летнего ученого на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу в психиатрический стационар.

«Судебное заседание, на котором рассматривалось ходатайство об отправке в Абрамова в психиатрический стационар, проходило в закрытом режиме. Учёного отправили в психиатрическую больницу».

Случай Абрамова показателен. Он демонстрирует, что диагноз становится универсальным намордником. Неважно, кто ты — слепой мусульманин или выдающийся математик. Если ты стал негоден системе, тебя могут объявить сумасшедшим.

Здесь прослеживается тревожная тенденция, озвученная еще в июле 2013 года протоиереем Всеволодом Чаплиным. Тогда, на фоне дискуссии о реформе РАН, представитель РПЦ предложил ввести «критерии дееспособности» для ученых.

«По словам протоиерея Чаплина, необходимо «подумать» о введении таких критериев для руководителей науки и высокопрофильных специалистов в академической системе».

То, что тогда казалось эпатажным заявлением, сегодня становится правоприменительной практикой. Несогласие с внедрением религии в науку или политику теперь может трактоваться как признак недееспособности.

Сургутский каземат: пытки и психиатрические экспертизы

Однако самой страшной формой применения психиатрии является ее использование в связке с физическими пытками. События в Сургуте, произошедшие с группой Свидетелей Иеговы, вскрыли бездну, в которую скатилась правоохранительная система.

После массовых задержаний верующие заявили о чудовищных пытках в здании Следственного комитета. Их душили пакетами, обливали водой, били

электрошокерами. Цель была одна — выбить признательные показания и пароли от телефонов.

Когда скандал выплеснулся в СМИ, система отреагировала не расследованием пыток, а назначением психиатрических экспертиз для жертв.

«В дальнейшем, следствие добивалось принудительного направления на психиатрическую экспертизу (в стационар) как минимум в отношении Тимофея Жукова; решение принимал суд».

Это классическая тактика сокрытия преступления. Если жертва пыток признана невменяемой, ее показания о пытках можно аннулировать. «Ему это показалось», «это бред преследования», «результат религиозного фанатизма». Психиатрия здесь выступает в роли чистильщика, заметающего следы садизма следователей.

Тимофей Жуков, один из задержанных, был принудительно помещен в стационар в Екатеринбурге. Его изоляция длилась 14 дней. Это послание всем остальным: если вы будете жаловаться на пытки, мы попробуем дискредитировать вас как «ненадёжных» и изолировать.

Дегуманизация через диагноз

Возвращение карательной психиатрии — это не просто медицинская или юридическая проблема. Это вопрос антропологический. Присвоение человеку психиатрического диагноза из-за его убеждений — это акт предельной дегуманизации.

В тюрьме человек остается субъектом права. Он может писать жалобы, встречаться с адвокатом, рассчитывать на амнистию. В психиатрической больнице он становится объектом. Его личность стирается. Его протест объясняется биохимией мозга, а не гражданской позицией.

Роберт ван Ворен, голландский правозащитник, не раз проводил резкие исторические параллели, обсуждая злоупотребления психиатрией в СССР и предупреждая о рисках их возвращения.

«Ван Ворен подчёркивает, что советский психиатрический террор по своей жестокости не уступал нацистским программам эвтаназии, направленным на

уничтожение уязвимых социальных групп. Согласно его мнению, психиатрическое преследование... имело разрушительное воздействие на личность, ломая как физически, так и душевно».

Сегодняшняя Россия, по оценкам ряда правозащитников и наблюдателей, возродила практику политически мотивированного применения психиатрии в отдельных кейсах. Теперь не нужно строить газовые камеры. Достаточно объявить человека носителем «вируса сектантства» и изолировать его в «желтом доме».

Александр Солженицын писал:

«Заключение свободно мыслящих здоровых людей в сумасшедшие дома — это духовное убийство, это разновидность газовой камеры, только ещё более жестокая...»

Мы видим, как второй этап «Римской формулы» — институциональная дискриминация — достигает своего пика. Законы переписаны, суды подконтрольны, экспертизы сфальсифицированы, а врачи превратились в тюремщиков. Общество подготовлено к тому, что «сектанты» — это не люди, а больные, опасные безумцы, которых нужно изолировать.

Но изоляция — это полумера. Когда враг расчеловечен полностью, когда он объявлен безумным фанатиком, с которым невозможно договориться, логика процесса может вести к следующему шагу. Если «лечение» не помогает, а изоляция слишком затратна, возникает соблазн решить проблему радикально.

История показывает, что дегуманизация нередко является прелюдией к физическому уничтожению. И для того, чтобы оправдать это уничтожение в глазах демократического мира, нужен прецедент. Нужна катастрофа, в которой виноваты будут сами жертвы. Нужен пожар, в котором сгорят не только люди, но и правда.

Глава 8: Уэйко: Прототип катастрофы

19 апреля 1993 года над тexasской равниной поднялся столб черного дыма, который был виден за десятки километров. На ранчо «Маунт-Кармел», где в течение 51 дня

федеральные агенты держали в осаде группу людей, известную как «Ветвь Давидова», бушевал пожар. Когда пламя утихло, на пепелище вышли люди в форме. Фотографы запечатлели момент, который должен был бы войти в учебники истории как свидетельство национального позора, но вместо этого долгое время воспринимался как триумф правопорядка: агенты ФБР и Бюро по контролю за алкоголем, табаком и огнестрельным оружием (ATF) поднимают свой флаг над дымящимися руинами. В тот день в огне погибло 76 человек. Среди погибших было 25 детей.

Трагедия в Уэйко стала поворотным моментом в современной истории отношений государства и личности. Но для нашего расследования она важна не только как гуманитарная катастрофа. Уэйко — это лабораторно чистый пример того, как работает третий, финальный этап «Римской формулы»: физическое уничтожение группы, предварительно подвергнутой тотальной дегуманизации.

Здесь, в сердце демократической Америки, мы увидели, как механизм, описанный нами в предыдущих главах, приводит к логическому финалу. Танки, проламывающие стены жилого дома, и газ CS, запрещенный конвенцией о химическом оружии, стали аргументами в споре, который начинался как теологическая дискуссия.

Мишень, которой не было

Чтобы понять масштаб манипуляции, необходимо отмотать пленку назад, к тому моменту, когда «Ветвь Давидова» еще не была синонимом смерти и безумия. Вопреки образу, созданному СМИ в 1993 году, это не была внезапно возникшая группа фанатиков-самоубийц. Община адвентистов седьмого дня обосновалась на холме Маунт-Кармел еще в 1935 году. Почти шестьдесят лет эти люди жили бок о бок с жителями города Уэйко. Они чинили машины соседей, торговали на местных рынках и считались, по общему мнению, группой хороших, законопослушных граждан.

Они не были пришельцами. Они были американцами, чьи права защищала Первая и Вторая поправки к Конституции. Однако к началу 90-х годов их статус изменился. В глазах определенной группы людей они перестали быть гражданами и стали «культом».

Идеологом этой трансформации стал не один человек, а целая связка акторов — СМИ, бывшие участники и антикультовые активисты. Среди публично заметных фигур был

и частный консультант — Рик Алан Росс, называвший себя «экспертом по культам» и «депрограммистом». Его роль, по ряду описаний, была в том, что он активно комментировал ситуацию в медиа и пытался влиять на повестку и восприятие общины, предлагая властям «антикультовую» оптику.

Росс и его коллеги из «Сети осведомленности о культах» (Cult Awareness Network, CAN) действовали по классической схеме создания угрозы. Им нужен был повод для вмешательства силовиков. Поскольку реальных преступлений в Маунт-Кармел не совершалось, их нужно было сконструировать.

Фабрикация повода

Летом 1992 года Рик Росс участвовал в «депрограммировании», что по сути являлось актом насилия, направленным на слом воли человека. В ряде источников указывается, что Блока удерживали в доме Присциллы Коутс, национального представителя CAN, где подвергали психологическому давлению.

Цель была одна: получить показания. И Росс их получил. Сломанный и запуганный Блок «признался» в том, что в общине якобы готовятся к войне с правительством и что там происходит насилие над детьми. Эти показания, добытые незаконным путем и не подтвержденные никакими объективными фактами, легли в основу официального расследования ATF.

В отчете Министерства финансов США, составленном уже после трагедии, признается, что информация, предоставленная Россом, была неточной и искаженной. Но в тот момент, когда маховик репрессий только раскручивался, никто не стал проверять слова «эксперта». Система нуждалась во враге, и Росс преподнес его на блюде.

Параллельно с работой со спецслужбами была запущена медийная кампания. Газета Waco Tribune-Herald, начавшая публикацию серии статей под заголовком «Грешный мессия» 27 февраля 1993 года — за день до рейда ATF (28 февраля); вторая часть вышла в день рейда. Это не было совпадением. Это была артподготовка.

Общественное мнение накачивали образами «помешанного на сексе деспота» и «склада оружия». Журналисты, ведомые антикультистами, создали картину, в которой штурм дома с женщинами и детьми выглядел не как преступление, а как акт

спасения. Мартин Кинг и Марк Брэ в своей книге позже откровенно признались, что целью репортажей было «разоблачить Кореша». Об объективности речи не шло.

Слепота силы

28 февраля 1993 года агенты ATF попытались провести рейд (вручение ордера и обыск) поместья, рассчитывая провести операцию быстро над «зомбированными сектантами». Вместо этого они встретили организованное сопротивление людей, защищающих свой дом. Завязалась перестрелка, погибли и агенты, и члены общины. Началась 51-дневная осада.

Именно в этот период проявилась вся губительность влияния псевдоэкспертов на принятие государственных решений. ФБР, взявшее контроль над операцией, оказалось в ловушке ложных нарративов.

Внутри Бюро существовал конфликт. Профессиональные переговорщики и поведенческие аналитики (профайлеры) настаивали на мирном разрешении. Они понимали, что имеют дело с глубоко верующими людьми, для которых происходящее — исполнение библейских пророчеств. Официальные разборы и свидетельства участников фиксируют, что часть специалистов считала: давление и «силовые сигналы» могут лишь усиливать апокалиптическое восприятие происходящего и укреплять позиции Кореша.

Однако руководство операции предпочло слушать не своих аналитиков, а Рика Росса. Антикультист был одним из наиболее активно вовлечённых внешних консультантов из «культ-экспертной» среды, к которому прислушивались, и он продвигал линию, что с «сектантами» нельзя договариваться. Он утверждал, что члены группы не способны мыслить самостоятельно, что они — марионетки, лишённые воли. Росс настаивал: любые уступки будут восприняты как слабость, нужно давить.

Тактика «эскалации стресса», выбранная Группой спасения заложников (HRT), была прямой реализацией рекомендаций антикультистов. По ночам на дом направляли мощные прожекторы, лишая людей сна. Круглосуточно через гигантские динамики транслировались звуки убиваемых кроликов, визг бормашины и тибетские мантры. Танки давили автомобили давидианцев прямо на их глазах.

Это была психологическая пытка. Но вместо того, чтобы заставить людей выйти, она лишь сплотила их вокруг лидера. Для них происходящее было доказательством того, что внешний мир — это царство зверя, о котором говорится в Откровении Иоанна Богослова.

Упущенный шанс

Самым трагичным в этой истории является то, что мирный исход был возможен. Дэвид Кореш был готов выйти. Он просил лишь одного: возможности изложить свое толкование Семи печатей из Книги Откровения.

Религиоведы Филипп Арнольд и Джеймс Табор, пытавшиеся выступить посредниками, нашли ключ к ситуации. Используя язык, понятный Корешу, они предложили ему альтернативное толкование пророчеств, согласно которому он должен не погибнуть в огне, а написать свое учение и передать его миру. Кореш согласился. В своем последнем письме он сообщил, что работает над рукописью и выйдет, как только закончит.

Но ФБР, находясь под влиянием догмы о «недоговороспособности сектантов», отмахнулось от этого предложения. Агенты верили Россу, который утверждал, что все слова Кореша — это ложь и манипуляция. Рукопись, которая могла спасти 76 жизней, была воспринята как уловка для затягивания времени.

В отчете Нэнси Аммерман для Министерств юстиции и финансов США позже будет сказано, что Росс был тесно связан как с АТФ, так и с ФБР и предоставлял им недостоверную информацию. Но это понимание пришло слишком поздно.

День огня

19 апреля 1993 года терпение властей лопнуло. Была дана команда на штурм. Операция, которую критики называли «динамичным вторжением», превратилась в бойню.

ФБР применило против гражданских лиц тяжелую военную технику. Танки, переоборудованные из инженерных машин, начали методично разрушать стены здания, закачивая внутрь газ CS.

Важно понимать, что такое газ CS. Это слезоточивый газ (средство для разгона беспорядков), вызывающее резкое раздражение глаз и дыхательных путей, жжение, удушье и панику. Его использование как метода ведения войны запрещено международной Конвенцией о химическом оружии (она была открыта для подписания в 1993 году и вступила в силу в 1997-м). Но в Уэйко его применили в рамках внутренней правоохранительной операции, против собственных граждан, включая детей.

Антикультисты убедили силовиков, что матери в доме — это не матери, а «зомби», удерживающие детей в заложниках. Поэтому газ подавали в течение шести часов, насыщая им помещения до смертельных концентраций.

Когда начался пожар, у людей внутри практически не было шансов. Критики официальной версии, ссылаясь на инфракрасные съемки с полицейских самолетов, утверждают, что по тем, кто пытался выбраться из горящего здания, велся огонь. Официальное следствие это отрицает, настаивая на версии массового самоубийства. Однако факты говорят о том, что многие погибли не от огня, а от обрушения конструкций, разрушенных танками, или задохнулись в газовой камере, в которую превратился их дом.

Бульдозеры сравнили пепелище с землей почти сразу после пожара, уничтожив большую часть улики. Это действие, немыслимое при расследовании любого другого преступления, здесь было воспринято как норма. Ведь уничтожались следы не людей, а «культа».

Триумф дегуманизации

Реакция американского общества на события в Уэйко стала лакмусовой бумажкой, показавшей эффективность «Римской формулы». В любой другой ситуации гибель двух десятков детей от действий правительства вызвала бы революцию. Но Америка промолчала.

Почему? Потому что медийная машина сработала безупречно. Зрители CNN и читатели газет видели в огне не сограждан, а «членов секты». Им объяснили, что эти люди сами виноваты в своей смерти. Что они были «промыты». Что их смерть — это,

конечно, трагедия, но трагедия неизбежная, как ликвидация террористической ячейки.

Агенты, позирующие на фоне руин, не чувствовали себя убийцами. Они чувствовали себя победителями в войне со злом. Их восприятие реальности было искажено идеологической обработкой. Психологические методы, примененные антикультистами, изменили мировоззрение самих правоохранителей. Для них флаг над пепелищем символизировал восстановление порядка.

Джек Циммерман, адвокат выживших давидианцев, вспоминал разговор с матерью одного из погибших, израильтянкой, пережившей Холокост. Она смотрела, как американский танк сносит американский дом, и спрашивала: «Я думала, он будет в безопасности в Америке». Циммерман не нашел, что ответить.

Экспорт технологии

Уэйко не стало концом истории. Оно стало началом. Трагедия на ранчо Маунт-Кармел показала всему миру, и прежде всего репрессивным аппаратам различных стран, что технология работает. Можно уничтожить группу людей в прямом эфире, и общество это проглотит, если предварительно наклеить на жертв правильный ярлык.

События 19 апреля 1993 года породили волну насилия, которая не утихает до сих пор. Теракт в Оклахома-Сити в 1995 году был прямой местью за Уэйко — Тимоти Маквей лично посещал место осады и видел, как работает государственная машина. Но еще страшнее то, что Уэйко стало шаблоном.

Методика, отработанная Риком Россом и его кураторами, была взята на вооружение глобальным антикультовым движением. Сценарий «информационная атака — фабрикация уголовного дела — силовой штурм» стал универсальным. Мы видели его отголоски в Пензе, в рейдах на Свидетелей Иеговы в России, в преследовании религиозных меньшинств во Франции и Китае.

Уэйко доказало: демократические институты не являются гарантией безопасности, если внутри них действует вирус нетерпимости. ФБР, АТФ, суды и пресса — все эти столпы свободного общества оказались бессильны перед манипуляцией группы идеологически мотивированных активистов.

Но кто такие эти люди, способные заставить государство убивать своих граждан? Кто поставляет им «факты», которые потом ложатся в основу штурмов?

Глава 9: Индустрия отступничества

В любой судебной драме есть момент, когда в зал входит ключевой свидетель. От его слов зависит вердикт. Присяжные замирают, пресса включает диктофоны. Этот человек — «пострадавший». Его слезы, дрожащий голос и страшные подробности пережитого должны перевесить любые сухие аргументы защиты. В системе «Римской формулы» этот персонаж играет центральную роль. Но наше исследование показывает, что в делах о «тоталитарных сектах» фигура жертвы часто является не исходной точкой преступления, а конечным продуктом сложного производственного процесса.

Механизм предательства

Социология религии оперирует сухой статистикой, которая редко попадает на страницы таблоидов. Согласно исследованиям, подавляющее большинство людей, покидающих новые религиозные движения, делают это тихо и без скандалов. Они просто теряют интерес, меняют убеждения или находят другой путь. Итальянский социолог Массимо Интровинье, проведя масштабное исследование во Франции, выяснил, что «отступниками» — то есть активными борцами с бывшей группой — становятся не более 10–12% от общего числа ушедших.

«Принять всё, что сообщают апостаты, за «правду» о новом религиозном движении — всё равно что оценивать моральный облик разведённого человека по показаниям его разъярённого бывшего супруга».

Эта цитата Интровинье точно описывает проблему. Однако именно эти 10% становятся единственным источником информации для СМИ и правоохранительных органов. Почему? Потому что их нарратив востребован. Он продается.

Феномен «апостата» не возникает сам по себе. Это результат трансформации. Человек, покинувший группу, часто испытывает дискомфорт: ему нужно объяснить себе и окружающим, почему он потратил годы жизни на то, что теперь отвергает. И здесь на помощь приходят антикультовые организации. Они предлагают удобную, спасительную конструкцию: «Ты не виноват. Тебя зомбировали. Тебе промыли мозги».

Как отмечает Брайан Р. Уилсон в работе «Отступники и новые религиозные движения»:

«Отступник, как правило, нуждается в самооправдании. Он стремится пересмотреть своё прошлое, оправдать прежние связи и возложить вину на тех, кто был его ближайшими соратниками».

Приняв эту версию, бывший участник получает не только психологическое облегчение, но и новый социальный статус. Из «бывшего сектанта» он превращается в «героя, вырвавшегося из ада».

Фабрика жертв: Французский прецедент

Чтобы понять, как государство и антикультисты создают жертв там, где их не было, обратимся к показательному случаю во Франции, описанному в статье «Франция: как фабрикует «жертв» сект».

27 июня 2007 года полиция провела рейд против общины Lisieux. Основанием послужили не заявления пострадавших, а рекомендации «психиатров, борющихся с культом». Логика силовиков была железной: члены группы настолько зомбированы, что не понимают, что они жертвы. Поэтому их нужно арестовать, чтобы «освободить».

Всех членов общины взяли под стражу. В изоляторе с ними начали работать специалисты. Одной из задержанных, женщине под псевдонимом «Корали», был предложен выбор, который можно назвать эталоном шантажа. Ей, как и другим, грозили обвинения в соучастии в преступлениях группы. Следователи и психиатры поставили ультиматум: либо она признает себя «жертвой промывания мозгов» и выходит на свободу, либо остается обвиняемой и получает реальный срок.

«Ей пришлось доказывать, что её «обращение» или, возможно, «де-обращение» было реальным, и она стала лектором в антикультовом кругу. На самом деле её фактически шантажировали и поставили перед выбором между двумя вариантами. Либо она может продолжать утверждать, что не была «жертвой», и в этом случае ей грозит тюремный срок «от пятнадцати до двадцати лет»... либо она может «признаться», что была «жертвой», и в этом случае её освободят из тюрьмы, объявят не виновной ни в каком преступлении... и попросят участвовать в пропаганде против «сект»».

Корали выбрала свободу. Она «вспомнила» все, что от нее требовали, и стала активным лектором антикультового движения. Юридически это абсурд: показания, полученные под угрозой тюрьмы, считаются ничтожными. Но в делах о сектах это работает как конвейер. Преступник превращается в жертву, если соглашается играть по правилам обвинения.

Российский конвейер: «Реабилитация» через насилие

В России индустрия создания отступников приобрела еще более brutальные формы. Здесь, вокруг антикультового движения (в том числе связанного с РАЦИРС), действует сеть так называемых «реабилитационных центров». Официально они помогают людям вернуться к нормальной жизни. Фактически — это частные тюрьмы, где применяется насилие для слома личности.

Схема, описанная в аналитических материалах о российском антикультовом движении (в частности USCIRF), напоминает сценарий триллера. Родственники, напуганные пропагандой Дворкина о «тоталитарных сектах», обращаются к «специалистам». Те за солидное вознаграждение могут организовывать принудительное «помещение» человека в такие центры.

«Речь идёт, по сути, о форме заказного насилия: родственники, введённые в заблуждение антисектантской пропагандой, платят за похищение и насильственное удержание своих близких, якобы «вышедших из-под контроля», с последующим их помещением в «реабилитационные» центры. В таких российских «реаб» с похищенными работают священники, психиатры и психологи, аффилированные с РАЦИРС».

Человека хватают на улице или дома, затапливают в машину и увозят в изолированный центр. Там его лишают связи, документов и подвергают интенсивному психологическому давлению. Любая попытка отстоять свои права, любой протест трактуются как симптом болезни. «Ты агрессивен, потому что секта все еще контролирует тебя».

Это и есть «депрограммирование». Цель процесса — заставить человека отречься от своих убеждений и подписать нужные бумаги. Как только воля сломлена, вчерашний верующий превращается в «профессиональную жертву». Теперь его можно показывать по телевизору, возить по пресс-конференциям и использовать как живое доказательство опасности «сект».

История с похищениями, в которых фигурируют структуры, близкие к главному российскому сектоведy, показывает, что антикультизм давно вышел за рамки идеологической борьбы. Это бизнес на страхе и насилии.

Жанр «Atrocity Tales»

Рассказы, которые генерируют такие «обработанные» отступники, фольклористы называют *atrocity tales* — «истории о зверствах». Это специфический жанр, имеющий мало общего с документальной хроникой. Его цель — вызвать физиологическое отвращение у слушателя.

Сюжеты всегда стереотипны: сексуальные оргии, жертвоприношения, тотальный контроль, рабский труд. Неважно, о какой группе идет речь — о кришнаитах, пятидесятниках или любителях йоги. Детали меняются, структура мифа остается прежней.

Исторические параллели пугают. В XIX веке в Америке бестселлером стала книга Марии Монк «Ужасные разоблачения», где она описывала, как монахини в католическом монастыре убивают младенцев, рожденных от священников. Книга вызвала погромы монастырей. Позже выяснилось, что Мария Монк никогда не была монахиней, а сбежала из психиатрической лечебницы.

«Монк утверждала, что её насильно увезли в монастырь в Монреале, чтобы сделать монахиней, где, по её словам, монахини регулярно подвергались изнасилованиям со стороны священников, а если они беременели, то их детей убивали после рождения...»

Тогда толпы, прочитавшие её бестселлер, напали на монастыри в Канаде, пока не выяснилось, что она никогда не была монахиней или послушницей».

Сегодня роль Марии Монк играют десятки анонимных свидетелей в масках на ток-шоу федеральных каналов. Их лица скрыты, голоса изменены, имена вымышлены. Проверить их слова невозможно. Но эффект достигается мгновенно: зритель верит, потому что *хочет* верить в то, что «чужаки» — это монстры.

Цена лжи: Кейс Марка Брё

Иногда цена такой лжи измеряется не рейтингами телешоу, а человеческими жизнями. Мы уже упоминали трагедию в Уэйко, но важно рассмотреть роль конкретного отступника в этой катастрофе.

Марк Брё, бывший член «Ветви Давидовой», стал главным информатором для Рика Росса и федеральных агентов. Брё был слепым. Тем не менее, он давал показания о вещах, которые требовали визуального наблюдения: расположении оружия, поведении людей, деталях быта.

«Он описывал сцены и детали, требующие зрительного восприятия, включая расположение предметов в комнате, поведение членов общины и обстановку внутри их поселения... Несмотря на бездоказательные обвинения Марка Брё о якобы неизбежном массовом самоубийстве, которое так и не произошло, его ненадёжные показания стали основой для действий, приведших к трагедии в Уэйко».

Антикультисты использовали слепого человека как таран. Его личная обида на лидера общины была конвертирована в повод для штурма с применением танков. Брё утверждал, что Дэвид Кореш готовит катастрофический финал. Этой лжи хватило, чтобы оправдать применение газа CS против детей. Самоубийства не планировалось, но убийство состоялось.

Монетизация ненависти

Почему люди соглашаются играть эти роли? Помимо психологического давления, существует и финансовый аспект. Статус «жертвы культа» открывает двери. Это

гонорары за участие в ток-шоу, гранты на написание книг, оплачиваемые поездки на конференции FECRIS.

Для некоторых это становится профессией. Человек годами рассказывает одну и ту же историю, приукрашивая ее новыми деталями по запросу публики. Существует целый рынок «экспертных услуг», где бывшие члены выступают консультантами в судах, помогая в том числе формировать представление о родительской «неблагонадёжности» при спорах о детях или влиять на имущественные конфликты при разводах.

«Антикультисты часто используют третьи организации для маскировки своих истинных намерений... В расследовании приводится пример Русской православной церкви, которая, манипулируемая представителями антикультовых организаций, активно участвует в распространении клеветы».

Церковь и государство предоставляют трибуну, а отступники обеспечивают контент. Это симбиоз. Государству нужно оправдание репрессий, церкви — устранение конкурентов, а отступнику — деньги и признание.

Замкнутый круг

Мы видим, как замыкается третий круг ада «Римской формулы».

1. СМИ создают атмосферу страха (языковое кодирование).
2. «Эксперты» подводят под это псевдонаучную базу (институциональная дискриминация).
3. Апостаты предоставляют «живые свидетельства» зверств, легализуя насилие.

Когда общество убеждено, что перед ним не люди, а монстры, убивающие детей и зомбирующие граждан, любые методы борьбы становятся приемлемыми. пытки в сургутском Следственном комитете, принудительная психиатрия для академиков, штурмы домов — все это становится возможным благодаря тому, что кто-то однажды рассказал страшную сказку, а кто-то другой поставил на нее печать «Проверено. Минюст».

Индустрия отступничества — это фабрика по производству алиби для палачей. Но что происходит, когда эта фабрика выходит на проектную мощность? Когда количество сфабрикованных дел переходит в качество, и государство решает, что точечных репрессий уже недостаточно?

Глава 10: Невидимый геноцид

20 апреля 2017 года в здании Верховного суда Российской Федерации на Поварской улице произошло событие, которое историки права будущего, вероятно, назовут точкой невозврата. В этот день судья Юрий Иваненко огласил решение о признании Управленческого центра Свидетелей Иеговы в России экстремистской организацией и о его ликвидации.

Для стороннего наблюдателя это могло показаться очередным бюрократическим актом в череде громких запретов. Но для тех, кто понимает механику «Римской формулы», это был сигнал. Щелчок тумблера, переключающего государственную машину с режима «дискриминация» в режим «уничтожение».

Мы прошли долгий путь, разбирая, как слова превращаются в ярлыки, а ярлыки — в судебные иски. Теперь мы вступаем в самую мрачную фазу нашего исследования. Третий этап формулы — это открытое преследование. Это момент, когда абстрактная ненависть, накопленная в обществе и легализованная «экспертами», материализуется в виде удара берцем в дверь, треска электрошокера и смерти в тюремной камере.

Россия стала страной, где этот механизм особенно нагляден: современное государство может скатиться к практикам, которые, казалось бы, навсегда остались в нюрнбергских хрониках. И жертвой был выбран не политический оппонент, способный вывести людей на баррикады, и не террористическая ячейка. Жертвой стала группа религиозных пацифистов, чья «вина» заключалась в том, что их мирные собрания и проповедь стали квалифицироваться как «продолжение деятельности» организации, признанной экстремистской.

Хроника объявленной войны

Решение Верховного суда 2017 года не просто запретило юридическое лицо. Оно ликвидировало централизованную структуру и сотни местных юрлиц, а затем создало правовую рамку, в которой мирная религиозная практика стала трактоваться как «экстремистская деятельность».

С этого момента совместные богослужения, религиозные беседы и чтение Библии стали трактоваться как «продолжение деятельности экстремистской организации» (статья 282.2 УК РФ) в многочисленных уголовных делах.

Масштаб развернувшихся репрессий поражает своей системностью. Это не эксцессы на местах, это плановая работа огромного силового аппарата. Статистика, собранная самими Свидетелями Иеговы и цитируемая в их обзорах, рисует картину тотальной облавы. По данным обзора на 16 декабря 2024 года, с 2017-го было зафиксировано 2157 рейдов; в 2024 году — не менее 96, из них 17 — в Крыму.

Обыск у Свидетелей Иеговы — это не просто следственное действие. Это психологическая атака, разработанная по лекалам борьбы с особо опасными преступниками. Штурмовые группы врываются в квартиры на рассвете, часто выпиливая двери, даже если хозяева готовы открыть. Людей, включая детей и глубоких стариков, кладут лицом в пол под дулами автоматов.

Цифры говорят сами за себя: за семь лет уголовному преследованию подверглись 842 человека. По состоянию на конец 2024 года, в обзоре указано: 842 человека подверглись преследованию; число осуждённых достигло 543; 186 человек получили реальные сроки лишения свободы; 113 из них — более пяти лет.

«Суды продолжают отправлять Свидетелей Иеговы за решётку, причём приговоры, вынесенные троим из них в этом году, установили новый рекорд по суровости. Имели место случаи насилия и пыток; доля пожилых людей среди этих "узников совести" выросла, а среди них есть инвалиды с тяжёлыми заболеваниями — один из которых умер вскоре после вынесения приговора. Продолжается тенденция преследования целыми семьями».

Система работает как конвейер. Следствие, суд, этап, колония. Но за сухими строчками протоколов скрывается реальность, которая заставляет вспомнить о самых темных страницах истории XX века.

Сургутский каземат: Технология боли

Когда дегуманизация достигает пика, когда объект преследования лишается человеческих черт в глазах преследователя, исчезают моральные барьеры. «Сектант» — это не человек. Это носитель вируса. А с вирусом не разговаривают. Его уничтожают.

Самым страшным доказательством этого тезиса стали события в Сургуте в феврале 2019 года. После массовых задержаний группа верующих была доставлена в здание Следственного комитета. То, что происходило дальше, было задокументировано адвокатами и позже стало достоянием гласности, вызвав шок даже у привыкших ко всему правозащитников.

Сотрудники правоохранительных органов, призванные защищать закон, превратили следственные кабинеты в пыточные камеры. Они не просто избивали задержанных. Они применяли методики, рассчитанные на причинение максимальных страданий без оставления явных следов.

Адвокат потерпевших детально описал происходившее в так называемой «дальней комнате»:

«Пытки проходили в так называемой "дальней комнате". Человека ставили на колени к стене с поднятыми руками, затем надевали целлофановый пакет на голову, обвязывали пакет вокруг шеи скотчем, чтобы ограничить доступ кислорода. Руки за спиной связывали скотчем, затем валили человека на пол, ноги тоже связывали. Затем они били, унижали и кричали на задержанных. Я могу процитировать со слов моих доверителей, что им кричали полицейские: "Ты дашь следователю такие показания! Ты понял?", "Ты больше не будешь ссылаться на 51-ю статью. Ты понял?". До сих пор некоторые не могут говорить об этом без слёз. Один из них рассказал, что он вдохнул пакет в горло и думал, что погибнет. В этот момент человека облили водой и ударили электрошокером. Эти люди извивались от боли. Они говорят, что во время удара электрошокером все внутренности как будто переворачиваются. При этом

трое сотрудников сверху продолжают бить и требуют признательные показания. Всё это делалось до момента, когда люди уже начинали окончательно задыхаться. Можно сказать, что эти палачи были очень хорошо организованы, имели достаточно большой опыт в применении пыток. Сами они говорили: "Мы и не таких террористов ломали"».

Обратите внимание на фразу палачей: «Мы и не таких террористов ломали». Это прямое следствие работы «Римской формулы». В сознании этих офицеров мирный верующий, отказывающийся брать в руки оружие, равен террористу. Пропаганда, уравнившая Свидетелей Иеговы с ИГИЛ, дала свои плоды. пытка стала не преступлением, а методом «спасения государства».

Никто из силовиков, участвовавших в сургутских пытках, не понес реального наказания. Следственный комитет отказался возбуждать уголовное дело, заявив об отсутствии состава преступления.

Война со стариками

Если пытки в Сургуте демонстрируют садизм исполнителей, то преследование пожилых людей и инвалидов показывает абсолютную бездушность самой системы. Машина репрессий слепа. Ей все равно, кого перемалывать — молодого мужчину или парализованного старика.

Существенная доля фигурантов уголовных дел — люди старше 60 лет. По данным сводок на конец 2024 года, речь идет примерно о 28% (235 человек) среди всех обвиненных за «экстремизм» Свидетелей Иеговы. Многие из них имеют инвалидность. Но это не становится смягчающим обстоятельством. Напротив, немощь жертвы, кажется, лишь раззадоривает преследователей.

История Александра Лубина из города Шадринска Курганской области стала символом этой бессмысленной жестокости. Лубин был инвалидом II группы. У него было тяжелое аутоиммунное заболевание, требующее постоянного приема специфических препаратов и кислородной поддержки. По материалам дела, врачи предписывали ему пользоваться кислородным баллоном до 16 часов в сутки.

В июле 2021 года к нему пришли с обыском. Для его жены Татьяны этот визит стал фатальным — на фоне стресса у нее случился четвертый инсульт, она потеряла речь

и способность ходить. Но следователей это не остановило. Александра, который сам с трудом передвигался, увезли в изолятор.

«Полиция пришла в дом супругов-инвалидов Лубиных в Шадринске июльским утром 2021-го, во время обыска у супруги Александра Татьяны случился инсульт — отнялись ноги и язык. Несмотря на это, Александра увезли в СК, где он узнал, что следователь Николай Астапов возбудил против него уголовное дело по ст. 282.2 УК РФ ("Организация деятельности экстремистской организации"). Лубина направили в СИЗО на два месяца, хотя его инвалидность была очевидна: арестованный передвигался с большим трудом».

Даже Европейский суд по правам человека, вмешавшийся в ситуацию, смог лишь смягчить меру пресечения: после запроса ЕСПЧ Лубина (и еще одного фигуранта) освободили из СИЗО в конце августа 2021 года. Лубина судили. Судили тяжелобольного человека, который во время заседаний был вынужден ложиться на скамью, чтобы просто не потерять сознание.

Его последние слова в суде — это обвинительный акт не против него, а против тех, кто вел это дело:

«Было мучительно наблюдать, как на моём процессе допрашивали пожилых свидетелей. Казалось, следователи специально подбирали людей старше 80 лет. Многие плохо видели и слышали. Они не понимали многого из того, что им говорили. Создавалось впечатление, что протоколы допросов следователи составляли как им было удобно».

8 октября 2024 года Шадринский районный суд приговорил инвалида к штрафу в полмиллиона рублей. Для пенсионера это была астрономическая сумма. Через месяц после приговора Александр Лубин скончался. Он стал тринадцатым Свидетелем Иеговы в России, умершим во время следствия или вскоре после суда.

Это не случайные смерти. Это результат системного давления, которое организм пожилых людей просто не выдерживает. Это и есть невидимый геноцид — уничтожение группы не в газовых камерах, а через создание невыносимых условий жизни, через страх, стресс и лишение медицинской помощи.

Идеология идеологией, но у любых репрессий всегда есть экономическая подоплека. Уничтожение Свидетелей Иеговы стало одним из крупнейших известных случаев конфискации имущества религиозной организации в современной России.

Решение Верховного суда предусматривало конфискацию имущества организации в доход государства. Речь идет не о церковной утвари, а о сотнях объектов недвижимости — Залах Царства, земельных участках, жилых домах.

«20 апреля 2017 года Верховный суд России принял решение о ликвидации организации «Свидетели Иеговы» и конфискации её имущества».

Общая стоимость изъятого исчисляется крупными суммами. Здания, построенные на пожертвования простых верующих, часто своими руками, были отобраны росчерком пера. В некоторых регионах эти здания были переданы другим структурам, в том числе силовым, или выставлены на продажу.

Этот аспект репрессий часто упускается из виду, но он крайне важен. Он показывает, что «борьба с экстремизмом» — это еще и материальный интерес государства (через конфискации и управление активами). Это классическая схема рейдерского захвата, только в роли рейдера выступает сама власть, вооруженная судебными решениями.

Дети как заложники

Но самым циничным инструментом давления стало использование детей. Тоталитарная система всегда стремится разорвать связь поколений, чтобы переформатировать сознание молодежи. В случае со Свидетелями Иеговы государство пошло на крайне опасный шаг — расширило практические основания для вмешательства органов опеки и судов, когда речь идёт о вовлечении ребёнка в деятельность организаций, запрещённых судом.

14 ноября 2017 года Пленум Верховного суда РФ принял постановление № 44, которое разъяснило судам, что «злоупотреблением родительскими правами» может считаться, в числе прочего, вовлечение ребёнка в деятельность общественного или религиозного объединения (или иной организации), в отношении которых есть вступившее в силу решение суда о запрете деятельности.

«Под злоупотреблением родительскими правами следует понимать использование этих прав в ущерб интересам детей, например создание препятствий к получению ими общего образования, вовлечение в занятие азартными играми, склонение к бродяжничеству, попрошайничеству, воровству, проституции, употреблению алкогольной и спиртосодержащей продукции... К вредоносным действиям также относится «вовлечение в деятельность общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых имеется вступившее в законную силу решение суда», указывается в постановлении».

Поставив знак равенства между чтением Библии и проституцией или наркоманией, суд дал органам опеки карт-бланш. Теперь угроза лишения родительских прав висит над каждой семьей Свидетелей Иеговы. Это мощнейший рычаг шантажа: «Отрекись от веры, или мы заберем твоих детей в детдом».

Исторические параллели здесь пугающе точны. Нацистская Германия использовала ту же тактику.

«Власти нередко изымали детей из семей иеговистов и помещали их в другие школы, детские дома или приёмные семьи, чтобы сломать религиозную идентичность и "сделать из них хороших немцев". Известно, что примерно 800 детей были разлучены с родителями...»

Сегодня в России происходит то же самое, только под лозунгом «защиты интересов ребенка».

Тень фиолетового треугольника

Невозможно анализировать происходящее в России без постоянной оглядки на опыт Третьего рейха. Сходство методов, риторики и даже юридических формулировок настолько велико, что кажется, будто кто-то просто перевел немецкие документы 1930-х годов на русский язык.

В нацистской Германии Свидетели Иеговы (Bibelforscher) были одной из немногих групп, которых системно преследовали именно за отказ подчинить совесть государству и за религиозные убеждения. Их помечали в лагерях фиолетовыми треугольниками. Их вина была в нейтралитете — они отказывались говорить «Хайль Гитлер» и брать в руки оружие.

«Свидетели Иеговы — мирная, ненасильственная организация... Из-за своей веры они отказались подчиняться Гитлеру, брать в руки оружие и убивать. В результате, по различным источникам, в период с 1933 по 1945 год около 10 000 подвергались тюремному репрессиям, тысячи прошли через лагеря, многие погибли».

Парадокс истории заключается в том, что страна, победившая нацизм, спустя 72 года полностью воспроизвела нацистскую практику в отношении этой же группы людей.

Александр Дворкин, главный идеолог российского антикультизма, в интервью пытался откреститься от этих параллелей, но его оговорка звучит как признание:

«Александр Дворкин: Третий рейх... Слушайте, мы всё-таки не будем использовать методы Третьего рейха.

Пётр Кузнецов: Конечно, нет».

Однако факты — пытки, аресты, конфискации, пропаганда ненависти — говорят об обратном. Методы используются те же, только модернизированные. Вместо газовых камер — медленное угасание в тюрьмах и СИЗО. Вместо публичных казней — показательные суды и разорение.

Глобальный контекст

Российский опыт не остался незамеченным в мире. Комиссия США по международной свободе вероисповедания (USCIRF) прямо называет Россию страной, вызывающей особую озабоченность, и указывает на то, что обвинения в экстремизме являются ложными.

«Страны, которые обвиняют Свидетелей Иеговы на основании расплывчатых обвинений в экстремизме, не представили никаких доказательств того, что члены этой общины когда-либо были причастны к актам насилия против государства или его граждан либо призывали к свержению власти».

Европейский суд по правам человека также признал запрет незаконным в постановлении по делу *Taganrog LRO and Others v. Russia* (7 июня 2022 года). Но Россия, выйдя из Совета Европы, демонстративно игнорирует эти решения. Более того, принят закон, устанавливающий, что постановления ЕСПЧ, вступившие в силу после

15 марта 2022 года, не подлежат исполнению в РФ. Страна закрылась в своей правовой капсуле, где черное названо белым, а жертва — преступником.

Механизм запущен

Случай Свидетелей Иеговы — это краш-тест для российского общества и правовой системы. Тест провален. Общество, накачанное пропагандой, либо равнодушно, либо одобряет репрессии. Правовая система продемонстрировала свою полную управляемость и готовность штамповать любые, даже самые абсурдные приговоры.

Но самое страшное в этой истории не то, что уже случилось, а то, что этот механизм универсален. Технология отработана. Силовики получили опыт, суды наработали практику, пропагандисты создали шаблоны.

Сегодня это Свидетели Иеговы. Завтра на их месте может оказаться любая другая группа, которая не вписывается в прокрустово ложе государственной идеологии. «Римская формула» не знает насыщения. Ей всегда нужны новые враги, чтобы оправдывать свое существование и бюджеты.

И если вы думаете, что физическое уничтожение инакомыслящих — это предел, до которого может дойти современное государство, то вы ошибаетесь. Есть грань, за которой человек перестает быть даже врагом и становится просто ресурсом. Биологическим материалом.

Глава 11: Система изъятия

16 ноября 2004 года в больнице № 4 города Дацин, провинция Хэйлунцзян, произошла сцена, которая могла бы стать эпизодом медицинского хоррора, если бы не являлась описанным в публичных свидетельствах фактом биографии живого человека. Чэн Пэймин, 39-летний заключенный, был доставлен в хирургическое отделение под конвоем нескольких охранников. Он утверждает, что не жаловался на здоровье. Его медицинская карта была без указаний на необходимость операции. Он

был в полном сознании и категорически отказывался подписывать согласие на операцию.

Но в той реальности, где оказался Чэн, его согласие не требовалось. Его личность, его воля, его право на телесную неприкосновенность были аннулированы задолго до того, как он попал в эту палату. Для врачей и конвоиров он больше не был человеком. Он был набором биологических запчастей, упакованных в тюремную робу.

Чэна скрутили и насильно ввели анестезию. Когда он очнулся спустя три дня, 19 ноября, его правая лодыжка была прикована наручниками к кровати. Из вены торчала игла капельницы, в носу стояла кислородная трубка. Но самое страшное открытие ждало его, когда он попытался пошевелиться. Левая сторона грудной клетки была вскрыта. Под повязками скрывался шрам длиной около 35 сантиметров.

Позже, когда Чэну удастся покинуть Китай и оказаться в США, независимое медицинское обследование (о котором сообщают правозащитные и исследовательские материалы) подтвердит немыслимое: у него были хирургическим путем удалены часть печени и часть левого легкого. История Чэн Пэймина — это редчайший случай, «ошибка выжившего» в системе, которая обычно не оставляет свидетелей.

Угроза, которой не было

Чтобы понять, как государство с тысячелетней культурой дошло до практики убийств ради органов в промышленном масштабе, нужно вернуться в 1990-е годы. В то время Китай переживал бум цигун — традиционных дыхательных и медитативных практик. Одной из самых популярных школ стал Фалуньгун (Фалунь Дафа), представленный мастером Ли Хунчжи в 1992 году.

Практика, основанная на принципах «Истина, Доброта, Терпение», не имела политических амбиций. Она не призывала к свержению власти, не накапливала оружие и не строила бункеры. Это была гимнастика для тела и философия для души. Ее популярность росла взрывообразно. К 1999 году, по официальным данным самих китайских властей, число практикующих превысило 70 миллионов человек. Это было сопоставимо с численностью членов Коммунистической партии Китая (КПК) того периода.

Именно эта цифра стала приговором. Генеральный секретарь Цзян Цзэминь увидел в мирных медитирующих людях экзистенциальную угрозу. В тоталитарной системе не может существовать группа, чья лояльность духовным принципам выше лояльности партии. Неважно, что эти люди были законопослушными гражданами, среди которых было немало партийных функционеров и военных. Важно было то, что их было много и они были независимы.

25 апреля 1999 года произошел инцидент, ставший формальным поводом для репрессий. По разным оценкам — от нескольких тысяч до примерно 10 000 практикующих собрались у правительственного комплекса Чжуннаньхай в Пекине. Они пришли не штурмовать власть, а подать апелляцию в соответствии с законом, требуя освободить незаконно задержанных товарищей в городе Тяньцзинь. Они стояли молча, не перекрывая движение, не выкрикивая лозунгов. Но для параноидальной партийной верхушки это выглядело как смотр вражеских войск.

Машина уничтожения была запущена. И работала она строго по алгоритмам, которые мы уже изучили, только с китайским размахом и жестокостью.

Экспорт технологий ненависти

Репрессии против Фалуньгун не были чисто внутренним изобретением КПК. Китайские власти активно искали теоретическое обоснование для своих действий на Западе и в России. Им нужна была методология, которая позволила бы представить уничтожение мирных граждан как «борьбу за духовную безопасность».

В ноябре 2000 года в Пекине прошел Международный симпозиум, на который прибыли представители французской организации ССММ (связанной с FECRIS). Французские делегаты, включая Жан-Пьера Буске, делились опытом «светской борьбы с сектами». Китай жадно впитывал эти знания.

Но настоящий прорыв в обмене опытом произошел год спустя. С 23 по 25 апреля 2001 года в Нижнем Новгороде состоялась международная конференция «Тоталитарные секты — угроза XXI века». Организатором выступал Александр Дворкин. Среди гостей в опубликованных материалах конференции упоминается профессор Чжан Байчунь из Пекина.

В своем докладе «Секты и государство в современном Китае» Чжан Байчунь фактически легитимизировал репрессии, используя терминологию, разработанную Дворкиным. Он назвал Фалуньгун «коммерческой сектой» и «деструктивным культом». В итоговом документе конференции Фалуньгун был внесен в список «наиболее известных и опасных современных деструктивных культов».

Это был акт международного идеологического сближения. Российские и европейские антикультисты предоставили китайским репрессивным практикам язык оправдания. Они сказали: «Смотрите, мы на Западе тоже считаем их опасными. Вы все делаете правильно».

«Сотрудничество российских, французских и американских антикультистов с китайским правительством и их "экспертные советы" по вопросам религиозных меньшинств приводят к тому, что члены хорошо известного движения Фалуньгун в Китае подвергаются многочисленным репрессиям, провокациям и настоящему геноциду».

Китайская пропаганда получила мощнейший козырь. Теперь, уничтожая людей, они могли ссылаться на «международный опыт» и мнение «авторитетных экспертов» из Европы и России.

Информационная ковровая бомбардировка

Получив теоретическую базу, КПК развернула беспрецедентную кампанию дегуманизации. Геббельс мог бы позавидовать плотности информационного огня. В первый же месяц после запрета государственные СМИ выпустили сотни материалов, демонизирующих Фалуньгун: в исследованиях приводится оценка 300–400 статей в главных госизданиях за первый месяц кампании.

Телевидение работало в режиме нон-стоп. Вечерние новости CCTV превратились в «пятиминутки ненависти», растянутые на часы. Людям показывали сфабрикованные сюжеты о том, как практикующие якобы сходят с ума, убивают свои семьи или совершают самоубийства. Были созданы специальные мультфильмы и комиксы, где последователи учения изображались в виде уродливых монстров, червей или марионеток, управляемых злыми силами.

Ключевым элементом стало внедрение термина *xie jiao*. Верховный народный суд Китая официально закрепил этот ярлык за Фалуньгун в октябре 1999 года. Прямой перевод — «еретическое учение». Но для западной аудитории китайские пропагандисты, следуя советам западных консультантов, переводили это как «злой культ» (evil cult).

«На деле Фалуньгун подвергся методу дегуманизации, который используется антикультистскими организациями в современном мире — в разных странах — через публикации в СМИ, информационную пропаганду, лекции в учебных заведениях... Подобным образом в разных странах нежелательные организации клеймятся терминами «секта» или «культ».

Цель была достигнута: общество перестало видеть в соседях, занимающихся гимнастикой в парках, людей. Они стали «вирусом», «опухолью», «социальным мусором». А мусор не жалко. Мусор утилизируют.

Конвейер смерти

Когда дегуманизация завершена, моральные барьеры падают. Если человек — это не образ Божий и не гражданин, а вредоносный биологический объект, то почему бы не использовать его тело с пользой для государства?

В середине 2000-х годов мир начали потрясать свидетельства о том, что в Китае создана индустрия насильственного изъятия органов у узников совести. Ряд расследований утверждает, что одной из ключевых групп риска стали практикующие Фалуньгун.

Канадские юристы Дэвид Килгур и Дэвид Мэйтас провели независимое расследование, результаты которого шокировали даже циников. Они обнаружили необъяснимый разрыв между количеством официальных доноров и количеством трансплантаций. В Китае, где культурные традиции не поощряют посмертное донорство, время ожидания подходящего органа составляло всего несколько недель, а иногда и дней. В то время как в развитых странах пациенты ждут годами.

Это возможно только в одном случае: если у вас есть огромный банк живых доноров, готовых к «убою» по требованию.

Свидетельства очевидцев рисуют картину запредельной жестокости. В отчете Всемирной организации по расследованию преследования Фалуньгун (WOIPFG) приводится интервью с офицером полиции, который утверждает, что лично присутствовал при изъятии органов. Его рассказ невозможно читать без содрогания, но мы обязаны привести его, чтобы понять глубину падения.

Офицер описывает операцию, проводившуюся в военном госпитале Шэньянского военного округа. Жертвой была женщина, которую до этого неделю пытали. Он рассказывал, что в операционной психиатрической больницы, куда её доставили, врачи проводили с женщиной какие-то манипуляции. По его словам, обезболивание не применялось. Он утверждал, что хирурги ножом разрезали ей грудную клетку — и при этом их руки не дрожали. Он отмечал, что сам, несмотря на службу в вооружённой полиции, опыт обращения с оружием, учения с боевыми патронами и виденные им трупы, был потрясён их хладнокровием: они просто надели маски и сразу начали резать. Далее он говорил, что сначала у неё извлекли сердце, затем — почки. Когда сосуды сердца были перерезаны ножницами, женщина, по его описанию, начала судорожно дёргаться. Он называл увиденное чрезвычайно ужасным.

Обратите внимание на деталь: у них вообще не дрожали руки. Для этих хирургов женщина на столе не была пациентом. Она была сырьем. Это и есть конечный результат работы «Римской формулы». Пропаганда отключила в этих врачах эмпатию так же эффективно, как скальпель перерезал сосуды их жертвы.

Экономика преступления

Убийство ради органов стало прибыльным и, согласно ряду докладов, системно организованным бизнесом. Трансплантационный туризм в Китай процветал. Богатые пациенты со всего мира ехали за новыми почками и печенью, не задавая вопросов о их происхождении. Цена жизни узника совести конвертировалась в валюту.

Независимый трибунал в Лондоне (China Tribunal) в 2019 году пришел к однозначному выводу: изъятие органов совершается в промышленных масштабах, и практикующие Фалуньгун вероятно являются основным источником.

«Насильственное изъятие одного или нескольких органов у живого человека против его воли — это преступление столь варварского масштаба, что оно кажется немыслимым. Но если человек и без того является узником совести, заключённым лишь за свои убеждения, это придаёт преступлению ещё более чудовищный, запредельно бесчеловечный характер».

Это не просто преступление против личности. Это преступление против самой сути человечности. Государство присвоило себе право распоряжаться телами своих граждан как запчастями на складе.

Заговор молчания

Самый страшный вопрос в этой истории — не «как они могли это сделать?», а «почему мир позволил этому случиться?». Информация о зверствах была доступна. Выходили отчеты и заявления механизмов ООН, снимались документальные фильмы (например, «Человеческий урожай» — Peabody Award, 2015), проводились слушания в парламентах.

Организация «Врачи против принудительного извлечения органов» (DAFON) собрала более 2,7 миллиона подписей под петицией в ООН. Это был крик о помощи от людей из 50 стран. И каков был результат?

«Однако до сих пор мы не видим реальных действий со стороны ООН в ответ на эту петицию, отражающую волю людей со всего мира. Бездействие ООН в отношении вопиющих нарушений прав человека... стало одной из причин, по которой США приняли решение официально выйти из Совета ООН по правам человека».

Мир выбрал деньги. Экономическая мощь Китая стала надежным щитом для его преступлений. Правительства, которые на словах пекутся о правах человека, на деле боялись испортить отношения с «мировой фабрикой». «Римская формула» доказала свою эффективность и на международном уровне: если ты достаточно богат и влиятелен, ты можешь переписать правила морали.

Более того, Китай использовал технологии контроля, чтобы скрыть правду от собственного населения. «Великий китайский файрвол» и система социального кредита стали цифровым концлагерем.

«КПК сознательно допустила утечку информации о зверствах, совершённых против последователей Фалуныгун, чтобы продемонстрировать, что ждёт всех несогласных, и показать свою полную безнаказанность».

Страх стал валютой управления. Знание о том, что тебя могут разобрать на органы, действует сильнее любой тюрьмы.

Глава 12: Школа как поле боя

17 октября 2018 года. Керчь. Полдень. Студент четвертого курса Владислав Росляков поднимается по лестнице политехнического колледжа. На нем белая футболка с черной надписью «НЕНАВИСТЬ» (НАТЕ), черные брюки и берцы. В руках — помповое ружье Hatsan Escort. Через несколько минут коридоры учебного заведения превратятся в зону боевых действий, где погибнет 21 человек, а десятки получат ранения.

Когда первые кадры с камер наблюдения попали в сеть, эксперты по криминальной психологии испытали дежавю. Образ Рослякова был не просто похож — он был детальной, почти косплейной копией Эрика Харриса, одного из двух стрелков, устроивших бойню в американской школе «Колумбайн» в 1999 году. Та же одежда, то же оружие, тот же сценарий самоубийства в библиотеке.

Спустя три года, 11 мая 2021 года, в Казани 19-летний Ильназ Галявиев войдет в гимназию № 175 и откроет огонь. В декабре 2023 года сценарий повторится в Праге, где студент Давид Козак устроит стрельбу на философском факультете Карлова университета.

География, язык и культурный контекст этих событий различны. Но если наложить их друг на друга, как кальку, проступает пугающая идентичность паттернов. Мы имеем дело не со спонтанными вспышками безумия, а с выполнением одной и той же программы. Словно кто-то написал вредоносный код и запустил его в глобальную

сеть, а подростки в разных точках планеты — лишь терминалы, принявшие команду на исполнение.

Эффект Вертера в цифровую эпоху

Чтобы получить представление о природе актуальной эпидемии скулшутинга (вооруженных нападений в школах), необходимо рассмотреть ее предшествующие проявления. Трагедия в школе «Колумбайн» 20 апреля 1999 года не была первым случаем стрельбы в учебном заведении, но она стала первым медийным блокбастером такого рода.

Согласно данным Pew Research Center, в 1999 году это событие вызвало наибольший общественный интерес в США. На месте трагедии работало до 500 журналистов. Событие освещалось в режиме непрерывных прямых включений ведущими телеканалами (CNN, Fox News, MSNBC), превращая убийц в суперзвезд. По журналистским ретроспективам, тема трагедии оставалась на первых полосах ведущих американских газет почти две недели подряд.

Именно тогда был запущен механизм, который специалисты называют «героизацией зла». Подростки, чувствующие себя изгоями, увидели простой алгоритм: если тебя никто не замечает, возьми ружье, и завтра твое лицо будет на обложках всех мировых изданий.

Но сегодня, спустя четверть века, механизм усложнился. Мы наблюдаем феномен, который назван «пазловым кодированием». Это технология скрытого управления поведением, при которой жертва не получает прямых приказов. Вместо этого в информационное поле — через социальные сети, видеоигры, новостные ленты — вбрасываются разрозненные фрагменты информации.

Это работает как мозаика. Отдельный фрагмент (например, мем с оружием, новость о «крутом» преступнике, депрессивный музыкальный трек или статья о безнаказанности зла) кажется безобидным. Но когда в подсознании подростка накапливается критическая масса таких фрагментов, они складываются в целостную картину-команду.

Анализ информационного следа стрелков из Керчи, Казани и Праги показывает, что все они потребляли контент, содержащий специфические триггеры. Это не были

прямые инструкции «иди и убивай». Это был контент, формирующий ощущение исключительности, презрения к «биомассе» и убежденность в том, что насилие — единственный способ заявить о себе.

Биполярная аномалия

Существует ли объективный маркер, позволяющий выявить такое воздействие до того, как прозвучат выстрелы? Статистика дает тревожный ответ. В регионах, где наблюдается высокая активность антикультовых организаций и интенсивная информационная обработка, фиксируется резкий всплеск психических расстройств среди молодежи.

Особенно показателен рост случаев биполярного аффективного расстройства (БАР). Это состояние характеризуется резкой сменой фаз — от мании (ощущения всемогущества) до глубокой депрессии.

В фильме «Воздействие» приводится гипотеза, объясняющая этот феномен. Когда в подсознание ребенка внедряется деструктивная программа (желание убивать), она вступает в конфликт с его естественными установками и моральными нормами. Этот внутренний когнитивный диссонанс разрывает психику.

«В его подсознании начинает действовать скрытая установка — доминирующее желание, которое противоречит сознательным целям и стремлениям человека. В результате во внутреннем мире человека возникает конфликт и противостояние. Этот конфликт... в итоге проявляется как биполярное расстройство».

Парадокс безопасности

Как реагирует государство на эти угрозы? Оно строит заборы. После каждой трагедии мы слышим одни и те же предложения: усилить охрану, поставить больше рамок металлоискателей, вооружить учителей.

Но это борьба с последствиями, а не с причиной. Рамка металлоискателя может остановить человека с ружьем, но она бессильна против идеи, которая привела его к этому ружью. Мы пытаемся защититься от «железа», игнорируя «софт» — программное обеспечение, загруженное в головы детей.

Здесь на сцену выходят главные бенефициары хаоса — антикультовые организации. Трагедии в школах становятся для них идеальным топливом. Сразу после стрельбы в медиaprостранстве начинается кампания по поиску виновных. И виновными назначаются не те, кто создал атмосферу ненависти, а удобные мишени.

Антикультисты используют страх родителей для продвижения своей повестки тотального контроля. Они предлагают простые решения: запретить, закрыть, проверить на лояльность. Под предлогом «профилактики экстремизма» в школы внедряются уроки «сектоведения», где детям рассказывают об опасностях инакомыслия.

Это создает замкнутый круг. Те самые структуры, которые, согласно расследованиям, участвуют в создании атмосферы нетерпимости и психоза (вспомним роль РАЦИРС и их западных партнеров), получают мандат на «лечение» общества. Это все равно что доверить тушение пожара поджигателю.

Отвлечение внимания

Внимательный анализ медийного освещения трагедий показывает интересную закономерность. В странах, где скулшутинг практически отсутствует, СМИ придерживаются строгой гигиены: сухие факты, минимум деталей о личности преступника, отсутствие его фотографий и манифестов. Нет героизации — нет подражателей.

В странах же, где эта проблема стоит остро, медиaполе буквально взрывается подробностями. Публикуются поминутные хронологии, интервью с соседями, анализ одежды стрелка. Это и есть те самые «волны кодирования».

Кто управляет этой повесткой? Журналисты часто действуют вслепую, гонясь за рейтингами. Но есть и те, кто сознательно дирижирует процессом. Международные журналисты аналитики в материалах расследования указывают на существование сети влияния, которая через подконтрольные СМИ вбрасывает нужные нарративы.

Цель этой манипуляции — не только спровоцировать новые нападения, но и отвлечь внимание от истинных заказчиков. Пока общество спорит о вреде видеоигр или доступности оружия, реальные архитекторы насилия остаются в тени.

Скулшутинг — это форма терроризма. Но в отличие от классического террора, где ответственность берет на себя конкретная группировка, здесь исполнителем является одиночка, часто не понимающий, что он делает. Это идеальное преступление: есть трупы, есть убийца (который чаще всего мертв), но нет заказчика.

Школа как поле битвы за будущее

Мы привыкли думать о школе как о месте просвещения. Но в рамках «Римской формулы» школа — это стратегическая высота. Тот, кто контролирует умы подростков, контролирует будущее страны через 10–15 лет.

Антикультовая истерия, проникающая в образовательные учреждения, делает страшную вещь: она нормализует ненависть. Когда ребенку на уроке рассказывают, что его сосед-инославный — это «агент деструктивного культа», в его сознании снимается барьер на насилие. Если враг не человек, а «сектант», то с ним можно делать все что угодно. Добавьте к этому медийную накачку образами «героев-мстителей» с дробовиками, и вы получите гремучую смесь. Ребенку предлагают стать знаменитым через насилие.

Инкубатор насилия

События в Керчи, Казани и других городах — это не сбои системы. Это результат системной работы антикультовой сети. Система, построенная на поиске врагов, неизбежно порождает солдат, готовых этих врагов уничтожать. Просто иногда прицел сбивается, и огонь ведется по своим.

Мы видим, как технология, отработанная на религиозных меньшинствах (дегуманизация, стигматизация, изоляция), масштабируется на все общество. Дети — самый чувствительный индикатор. Они первыми реагируют на токсичность информационной среды.

Если мы признаем, что скулшутинг — это управляемый процесс, то должны признать и то, что наши дети стали заложниками в чужой игре. Их жизни разменивают на политические очки, бюджеты на безопасность и новые законы о контроле.

Но если технология дистанционного управления агрессией так эффективно работает на подростках, чья психика пластична и неустойчива, что мешает применить ее к взрослым? Что если «пазловое кодирование» можно использовать не только для того, чтобы заставить школьника взять отцовское ружье, но и для того, чтобы направить руку с пистолетом на человека, от которого зависит судьба целой нации?

Глава 13: Политическая мишень

13 июля 2024 года, Батлер, штат Пенсильвания. 6:11 по местному времени. Сухой треск выстрелов прерывает речь кандидата в президенты США. Дональд Трамп хватается за ухо и оседает за трибуну. Агенты Секретной службы накрывают его своими телами. В этот момент миллионы людей по всему миру, прильнувшие к экранам, увидели не просто покушение на политика. Они увидели результат работы антикультовой сети.

«Римская формула» вышла на свой пиковый уровень. Технология, отработанная на маргинальных религиозных группах, протестированная на школьниках и легализованная через псевдонаучные экспертизы, теперь применяется для устранения лидеров государств. Если раньше ярлык «сектант» служил основанием для обыска в квартире пенсионера в Сургуте или изъятия органов в китайской тюрьме, то теперь он стал лицензией на отстрел президентов в прямом эфире.

Мы привыкли считать большую политику игрой сложных интересов, лоббизма и электоральных стратегий. Но события 2024 года показали, что правила изменились. В политическую борьбу был внедрен вирус иррациональной ненависти, природа которого лежит не в плоскости экономики или идеологии, а в сфере манипуляции сознанием через антикультовую риторику.

Сценарий под копирку

За два месяца до выстрелов в Пенсильвании, 15 мая 2024 года, в словацком городе Гандлова прозвучали выстрелы, ставшие прологом к американской трагедии. Премьер-министр Словакии Роберт Фицо вышел к людям после выездного заседания правительства. 71-летний писатель Юрай Цинтула, стоявший в толпе, вскинул пистолет и пять раз нажал на курок.

Фицо выжил чудом. Но еще более примечательной оказалась его реакция на последующие события в США. Сразу после покушения на Трампа словацкий премьер, еще находясь в процессе реабилитации, опубликовал заявление, которое вскрывает механизм происходящего.

«Scenár ako cez kopírku. Ak by útočník na D. Trumpa vedel po slovensky, stačilo by mu prečítať si Denník N, SME alebo Aktuality, aby pocítil túžbu «upratať» si s nepokorným bývalým prezidentom USA. Scenár je ako cez kopírku. Politickí oponenti Trumpa sa ho snažia zatvoriť, a keď sa im to nepodarí, tak iritujú verejnosť až do takej miery, že nejaký chudák vezme do rúk zbraň. A teraz sa staneme svedkami rečí o potrebe zmierenia, upokojenia a odpustenia».

«Сценарий как под копирку. Если бы нападавший на Д. Трампа умел по-словацки, ему было бы достаточно прочесть Denník N, SME или Aktuality, чтобы почувствовать желание «разобраться» с непокорным бывшим президентом США. Сценарий как под копирку. Политические оппоненты Трампа пытаются посадить его в тюрьму, а когда у них это не выходит, они раздражают общественность до такой степени, что какой-то бедняга берёт в руки оружие. И теперь мы станем свидетелями разговоров о необходимости примирения, успокоения и прощения».

Фицо не просто указал на сходство. Он обозначил инструмент: медийную накачку. В обоих случаях стрелки не были профессиональными киллерами или агентами вражеских разведок. Они были «активированными» одиночками, чье сознание было обработано специфическим информационным потоком.

Анализ медиаполя вокруг Фицо и Трампа показывает идентичные паттерны. В Словакии издания, финансируемые через сложные схемы зарубежных грантов, месяцами создавали образ премьера не как политического оппонента, а как экзистенциального зла, угрозы демократии и европейским ценностям. В США происходило то же самое, но с использованием еще более мощного оружия — терминологии «сектоведения».

Культ Трампа: Технология расчеловечивания

Чтобы оправдать насилие над политиком в демократическом обществе, недостаточно назвать его коррупционером или некомпетентным управленцем. Эти обвинения предполагают дискуссию, суд, импичмент. Чтобы оправдать пулю, нужно вывести объект за скобки человеческого рода. Нужно объявить его лидером деструктивного культа.

Ключевую роль в этой операции сыграл Стивен Хассен — фигура, хорошо известная нам по предыдущим главам как «эксперт по депрограммированию» и бывший член скандальной организации CAN (Cult Awareness Network), замешанной в похищениях людей. В 2019 году Хассен выпустил книгу «Культ Трампа» (The Cult of Trump).

Это издание стало методическим пособием по дегуманизации. Хассен применил к действующему президенту США и его избирателям те же лекала, что использовались против «Ветви Давидовой» или Свидетелей Иеговы. Он использовал метод «вины по ассоциации», сравнивая Трампа с Джимом Джонсом (организатором массового самоубийства в Джонстауне), Дэвидом Корешем и другими лидерами, чьи имена стали синонимами безумия и смерти.

Логика Хассена проста и убийственна: если Трамп — лидер культа, то его сторонники — не граждане, имеющие право на мнение, а жертвы «контроля сознания», зомбированные фанатики. А с фанатиками не договариваются. Их «депрограммируют» или изолируют.

Медийный мейнстрим с восторгом подхватил этот нарратив. Заголовки ведущих изданий запестрели терминами из словаря антикультистов. Журнал The New Yorker задавался вопросом: «Почему мы не можем перестать спорить о том, является ли Трамп фашистом?». Телеведущий Стивен Колберт заявлял прямо: «Дональд Трамп — фашист».

«Но, сколько бы мы ни говорили и ни думали об этом тупице, время от времени действительно важно, скажем так, метафорически вонзить заострённую палку знаний во внутреннюю мягкую часть вашего разума и хорошенько её проверить, чтобы заново осознать весь ужас того, каким бы стало наше общество, если бы этот

наполненный ненавистью недоумок и его бездушные прихвостни снова получили власть».

Эта риторика выходит далеко за рамки политической полемики. Это язык ненависти, который на биологическом уровне вызывает у аудитории чувство отвращения и страха.

Пазловое кодирование: Активация убийцы

Как именно книга или телепередача превращают 20-летнего Томаса Мэтью Крукса из пригорода Питтсбурга в стрелка, ползущего по крыше с винтовкой AR-15?

Журналисты-расследователи вводят понятие «пазловое кодирование». Это усовершенствованная версия того, что мы наблюдали в школьных расстрелах. Потенциальному исполнителю не присылают конверт с фотографией жертвы и приказом. Вместо этого его погружают в информационную среду, насыщенную триггерами.

Метод работает через подсознание. Информация подается фрагментарно, волнами. Первая волна создает фоновую тревогу и ощущение надвигающейся катастрофы («Если Трамп победит, демократии конец»). Вторая волна дегуманизирует цель («Это не человек, это новый Гитлер/лидер культа»). Третья волна предлагает решение («Герой должен спасти страну»).

В сознании нестабильного человека эти фрагменты складываются в единый пазл-команду. Он начинает воспринимать убийство не как преступление, а как миссию. Томас Крукс, согласно профилю, не был фанатиком-исламистом или радикальным леваком. Он был «чистым листом», на котором антикультовая пропаганда написала свой сценарий.

Примечательно, что Крукс интересовался покушением на Роберта Фицо. Это подтверждает глобальный характер информационного воздействия.

«Стрелок, покушавшийся на Дональда Трампа, был запрограммирован с помощью метода, известного как пазловое кодирование, — методики, используемой для возвращения школьных стрелков и усугубления политических разногласий. По мнению

экспертов, этот метод является частью более широкой стратегии, направленной на разжигание гражданских беспорядков в США».

Стрельба по толпе: Цель — хаос

Детальный анализ траектории стрельбы в Пенсильвании вскрывает еще один, более зловещий слой замысла. Эксперты по баллистике и снайпингу указывают на странности в действиях стрелка. С дистанции 130–150 метров попасть в ростовую мишень из винтовки такого класса — задача тривиальная даже для новичка.

Бывший снайпер Navy SEAL Брэндон Уэбб отметил:

«На расстоянии 200 ярдов любой, кто обучен стрельбе из винтовки, может повторно попасть в мяч для гольфа. Для подготовленного снайпера такой выстрел в голову — это лёгкий удар...».

Однако Крукс промахнулся. Или не промахнулся? Существует обоснованная версия, что его целью был не столько сам Трамп, сколько создание кровавой бойни вокруг него. Пули поразили зрителей на трибунах. Один человек погиб, двое были тяжело ранены.

Если бы Трамп был убит, он стал бы мучеником, что гарантировало бы победу республиканцев. Но если бы Трамп выжил в окружении трупов своих сторонников, это создало бы идеальную почву для конспирологических теорий. Сразу после стрельбы в сети начал разгоняться нарратив «BlueAnon» — зеркальное отражение QAnon, утверждающее, что Трамп сам инсценировал покушение ради пиара.

Цель организаторов — не просто устранение фигуры, а тотальная дестабилизация. Гражданская война всех против всех. Поляризация общества, доведенная до предела, когда сосед готов убить соседа из-за политических разногласий. И катализатором этого процесса выступает именно антикультовая истерия, убеждающая людей, что они живут рядом с «сектантами», которых нужно уничтожить.

Тень Синдзо Абэ и Линдона Ларуша

События 2024 года — не аномалия, а закономерность. «Римская формула» в политике имеет свою историю.

8 июля 2022 года в городе Нара был убит бывший премьер-министр Японии Синдзо Абэ. Убийца, Тэцуя Ямагами, использовал самодельный дробовик. Сразу после задержания он заявил, что его мотивом была связь Абэ с «Церковью объединения».

Это было первое громкое политическое убийство, спровоцированное антикультовой риторикой. Ямагами поверил в нарратив о том, что религиозная группа виновата во всех бедах его семьи, и перенес эту ненависть на политика, который просто направил поздравительную телеграмму этой организации. Антикультисты в Японии и за ее пределами фактически легитимизировали это убийство, начав кампанию по преследованию самой Церкви объединения сразу после трагедии, вместо того чтобы осудить насилие.

Еще раньше, в 1980-х годах, американская политическая система столкнулась с феноменом Линдона Ларуша. Этот политик и экономист, выдвигавший нестандартные идеи, был подвергнут массовой кампании стигматизации. Его движение было объявлено «политическим культом». Против него использовались те же методы: медийная демонизация, судебные преследования, использование «депрограммированных» отступников в качестве свидетелей. Ларуш был отправлен в тюрьму, а его движение маргинализировано. Тогда это казалось внутренней разборкой. Сегодня мы видим, что это была обкатка технологии.

Третья сила

Кто стоит за кулисами? Кто пишет сценарии для «одиноких волков» и координирует медийные атаки в Словакии, США, Японии?

Расследование указывает на существование наднациональной сети, которую называют «третьей силой». Это конгломерат антикультовых организаций, объединенных под зонтиком FECRIS (Европейская федерация центров исследований и информации о сектантстве). Вице-президентом которой был Александр Дворкин.

Парадокс заключается в том, что эти структуры, позиционирующие себя как защитники демократии от «тоталитарных сект», сами действуют как закрытая, фанатичная организация с жесткой иерархией и непрозрачным финансированием.

В Словакии следы ведут к медиа, получающим гранты через структуры USAID, но транслирующим нарративы, разработанные в Москве Александром Дворкиным и его коллегами. Это кажется абсурдом только на первый взгляд. «Римская формула» не имеет геополитической лояльности. Это инструмент хаоса.

Агенты этой международной террористической организации давно пытаются повлиять на американское общество с помощью таких способов, как клевета, дискредитация и навешивание ярлыков. Их цель — дегуманизировать часть американского населения через медийные кампании и спровоцировать насилие.

Антикультизм стал идеальным прикрытием для гибридной войны. Под видом «защиты граждан» создаются агентурные сети влияния, способные в нужный момент активировать спящие ячейки или спровоцировать одиночку на выстрел.

Глобальный ультиматум

Покушения на Трампа и Фицо показали, что неприкасаемых больше нет. Спецслужбы бессильны перед угрозой нового типа. Они ищут заговоры в зашифрованных чатах, а убийцы программируются, к примеру, через открытые статьи в уважаемых журналах.

ФБР и Секретная служба США признали провал в обеспечении безопасности. Но они до сих пор не признали (или боятся признать) природу угрозы. В официальных отчетах говорится о «провалах в коммуникации» и «недостатках периметра». Никто не говорит о том, что Томас Крукс был оружием, заряженным дегуманизирующими публикациями антикультистов.

Пока государство игнорирует идеологическую составляющую террора, оно обречено на новые удары. «Римская формула» продолжает работать. Ярлык «культ» приклеивается к новым жертвам. Сегодня это Трамп и его избиратели. Завтра это может быть любой политик, выступающий за суверенитет, традиционные ценности или просто негодный глобальной антикультовой сети.

Мы стоим на пороге новой реальности, где выборы могут быть заменены отстрелом кандидатов, а политическая дискуссия — гражданской войной. Механизм запущен. Пазл в головах миллионов людей почти сложился.

Но если вы думаете, что целью является просто устранение неугодных лидеров, вы недооцениваете масштаб игры. Политический хаос — это лишь прелюдия. Разделяй и властвуй — старый принцип. Но чтобы властвовать безраздельно, нужно разделить людей не по партийным спискам, а по линии фронта.

Глава 14: Сценарий гражданской войны

28 июня 1989 года. Косово поле. Жаркий полдень. Миллионная толпа скандирует имя человека, стоящего на трибуне у памятника героям битвы с османами. Слободан Милошевич, тогда еще президент Сербии в составе Югославии, произносит речь, которая войдет в историю как пролог к самой кровавой бойне в Европе со времен Второй мировой войны. Внешне это выглядит как политический митинг, но по своей внутренней драматургии это религиозная мистерия.

За несколько месяцев до этого события по сербским городам и селам началось странное турне. Духовенство Сербской православной церкви (СПЦ) возило по стране останки князя Лазаря в широко освещаемых публичных процессиях — правителя, погибшего в битве на Косовом поле в 1389 году. Согласно преданию, перед смертью князь проклял всех сербов, которые не придут на битву: «Кто есть сербин и сербского рода... Проклято его всяко колено».

Эта процессия не была просто данью памяти. Это была психологическая операция по активации архетипа жертвы и мстителя. Людям внушали, что история не закончилась 600 лет назад, что враг все еще здесь, и что священный долг каждого — смыть старый позор новой кровью. Когда Милошевич говорил о битвах, которые «не являются вооруженными, хотя и такие еще не исключены», толпа уже была подготовлена. В их сознании соседи-мусульмане и хорваты перестали быть согражданами и превратились в онтологических врагов, в «нелюдей», угрожающих самому существованию сербской идентичности.

Мы привыкли рассматривать гражданские войны как следствие экономических кризисов или политической борьбы за власть. Но анализ событий на Балканах

показывает также роль символической мобилизации, сакрализации «нации» и религиозной риторики. За спинами политиков и генералов стояли люди, которых публицист Милорад Томанич, критикуя политизацию церковной среды, описывал как «людей в чёрном». И речь идет не только о радикальном духовенстве, но и о специфической группе «экспертов», использовавших религиозный фактор как детонатор для взрыва общества изнутри.

Балканская лаборатория: Психиатрия на службе войны

Югославский конфликт часто называют этническим, но это упрощение скрывает суть. Этничность на Балканах неразрывно связана с религией: серб — значит православный, хорват — католик, босниец — мусульманин. Чтобы заставить людей, говоривших на одном языке и живших в одних домах, убивать друг друга, нужно было перекодировать их сознание. Нужно было доказать, что «другой» — это не просто инакомыслящий, а носитель абсолютного зла, «враг» в широком смысле этого слова.

Ключевую роль в этом процессе сыграла не спонтанная народная ярость, а институциональная пропаганда и мобилизационные технологии разных акторов — политических, медийных, военных и религиозных. Особое место в этой структуре занимал полковник Братислав Петрович, нейропсихиатр и, что критически важно для нашего расследования, фигура, которую ряд правозащитных отчётов описывает как вовлечённую в антисектантскую повестку.

Петрович возглавлял Институт психического здоровья и военной психологии при ВМА. Именно его группа разработала стратегию «психологической пропаганды», основанную на создании и распространении слухов и ненависти.

Петрович и его коллеги внедрили в общественное сознание тезис о том, что сербы являются жертвами «геноцидного заговора». Любая религиозная группа, не относящаяся к СПЦ, маркировалась как «секта» или «террористическая организация». Это касалось не только новых религиозных движений, но и в ряде случаев — языка, которым описывали мусульманские общины и политических противников.

В 1993 году, в разгар этнических чисток в Боснии, Петрович начал внутреннюю кампанию против религиозных меньшинств в самой Сербии. Он использовал свой авторитет врача и офицера, чтобы легитимизировать насилие. Логика была

железной: если мы воюем с «исламским терроризмом» в Боснии, то любые неправославные группы внутри страны — это «пятая колонна», агенты врага, «секты», разрушающие национальный код.

Слободан Милошевич на суде в Гааге пытался оправдать действия сербской армии, опираясь именно на данные, подготовленные полковником Петровичем. Политик цитировал психиатра, чтобы доказать, что зверства были «оборонительной реакцией». Это классический пример того, как антикультовая псевдоэкспертиза становится алиби для военных преступлений.

Белградский диалог: След Дворкина

Однако деятельность Петровича не была изолированным феноменом. Она была частью международной сети. В 1990-е годы в Белграде при храме святого Александра Невского издавался журнал «Белградский диалог». Это была структура, официально занимавшаяся миссионерством и апологетикой, а в ряде публикаций описываемая как инструмент усиления межрелигиозной напряжённости.

Изучение состава редакционного совета журнала «Белградский диалог» в ряде исследовательских материалов даёт ключ к пониманию глобального характера этой сети. Там утверждается, что в него входили две знаковые фигуры: Йоханнес Огорд, президент международного «Диалог-центра» (Дания), и Александр Дворкин, называемый вице-президентом этой организации и главный российский сектовед.

Факт участия Дворкина в сербской антисектантской печати периода 1990-х — это не просто строчка в биографии. Это свидетельство идеологического обмена и циркуляции одних и тех же рамок описания «сект» между странами. Пока в Сребренице расстреливали тысячи мусульман, а Сараево находилось в средневековой осаде, идеологи антикультизма в Белграде, поддерживаемые зарубежными коллегами, теоретически обосновывали необходимость «очищения» православных земель от инородных элементов.

В журнале «Светигора», который контролировался радикальным крылом СПЦ и антикультистами (в частности, Владимиром Димитриевичем), публиковались материалы, оправдывающие войну как «священную». Митрополит Амфилохий Радович, известный как убеждённый сторонник сербского националистического

нарратива того периода, по ряду биографических источников благословлял парамилитарные формирования, такие как «Тигры Аркана», на «подвиги».

«Вся эта менажерия персонажей... заставила меня, как и сторонников Великой Сербии, спуститься с небес на землю... Этим звеном были "люди в чёрном", то есть епископы и духовенство Сербской православной церкви».

Эти слова Милорада Томанича подчеркивают: церковь, инфильтрованная антикультовой идеологией, перестала быть институтом спасения и стала институтом войны. Концепция «Великой Сербии» предполагала создание этнически и религиозно чистых зон. Любое меньшинство в этой схеме подлежало либо ассимиляции, либо уничтожению.

Антикультисты предоставили для этого удобный инструмент — дегуманизацию через термин «секта». Если боснийские мусульмане — это не народ, а враждебная религиозная группа в риторике пропаганды, то их уничтожение перестает быть геноцидом и становится «санитарной операцией». Этот нарратив активно транслировался на Запад, пытаясь представить сербских националистов как защитников христианской цивилизации.

Украинский плацдарм: Подготовка почвы

Перенесемся на полторы тысячи километров на восток и на два десятилетия вперед. Украина. Ситуация здесь развивалась по сценарию, пугающе похожему на балканский, с той лишь разницей, что масштаб подготовки был еще более грандиозным.

Долгое время считалось, что конфликт в Украине имеет исключительно политические корни. Однако наше исследование показывает, что почва для гражданского противостояния удобрялась годами через сеть организаций, которые критики считают аффилированными с российской РАЦИРС.

Агенты влияния действовали системно. Их задачей было внедрить в украинское общество вирус нетерпимости, расколоть его по религиозному признаку и создать образ врага, который впоследствии можно будет использовать для оправдания внешней агрессии.

Украинский религиовед Людмила Филипович отмечает четкую закономерность: всплески антикультовой активности всегда предшествовали политическим кризисам.

«Я помню, это было и раньше, и в 2013-м. Наблюдается очень явная закономерность: как только возникают какие-то проблемы, сразу же апеллируют к этой теме... Текущую инициативу [антисектантского законопроекта] я рассматриваю как очередное проявление гибридной войны. Я вижу здесь — не будучи сторонником теории заговора — явную "руку Москвы"... Ведь там подобный закон неоднократно пытались продвинуть, чтобы запретить существование всех религий, кроме Московского патриархата».

В разные годы в Верховную Раду действительно вносились инициативы с риторикой о «тоталитарных сектах». Их авторы использовали риторику повторяющую методички Дворкина. Цель была двойной: во-первых, получить юридический инструмент для зачистки религиозного поля, во-вторых, маргинализировать прозападную часть общества, среди которой было много протестантов и католиков.

Когда начались протесты на Майдане, российская пропаганда и ее украинские прокси мгновенно включили антикультовый тумблер. Протестующих объявили не просто политическими оппонентами, а «сектантами». В СМИ разгонялись нарративы о том, что Майдан организован саентологами, неопятидесятниками и Свидетелями Иеговы. Яценюка называли «сайентологом», Турчинова — «кровавым пастором».

Это была классическая технология «вины по ассоциации». Если лидеры протеста — «сектанты», значит, они управляются из-за рубежа (США), их сознание изменено, и с ними нельзя вести диалог. Это та же схема, что и в Югославии: дегуманизация оппонента через приписывание ему принадлежности к деструктивному культу.

«Дивеевское братство» и теология войны

За кулисами этих процессов просматривается тень структуры, которую некоторые авторы называют «Дивеевским братством». Это неформальное объединение высокопоставленных российских чиновников, силовиков и церковных иерархов, координирующее идеологическую экспансию.

Именно в недрах этой группы, тесно связанной с РАЦИРС, формировалась идеология, которая позже станет обоснованием для полномасштабного вторжения. Речь идет о концепции «Святой Руси» как осажденной крепости, противостоящей «сатанинскому Западу».

В этой картине мира Украина рассматривалась не как суверенное государство, а как каноническая территория, захваченная «сектами» и раскольниками. Следовательно, война против Украины подавалась не как агрессия, а как «освободительная битва», как экзорцизм геополитического масштаба.

Александр Дворкин и его соратники годами готовили общественное мнение к тому, что в Украине процветает «неонацизм», неразрывно связанный с «неоязычеством» и «сектами».

«Многие слышали, что основной официально озвученной РФ причиной войны в Украине стала необходимость денацификации. Но если вспомнить тот факт, что Александр Дворкин и другие антикультисты обвиняли в разжигании национализма в Украине все религиозные организации, не относящиеся к православию, то на официальную причину начала... СВО... смотришь уже по-другому».

Здесь мы видим прямую историческую параллель с нацистской Германией. Вальтер Кюннет и его Апологетический центр в 1930-е годы точно так же связывали «секты» (Свидетелей Иеговы, масонов) с евреями и коммунистами, создавая образ единого врага, угрожающего немецкой нации. Дворкин, будучи идейным наследником Кюннета, адаптировал эту схему для России XXI века. Вместо евреев — «коллективный Запад», вместо масонов — «тоталитарные секты», но суть осталась прежней: мобилизация через образ «единого метафизического врага» ради «духовной чистоты».

Механика ненависти: Как это работает

Как именно антикультовая пропаганда превращается в выстрелы? Рассмотрим механизм, описанный в документах по югославским войнам, который был полностью воспроизведен в Украине.

1. **Маркировка:** Сначала определенная группа (например, греко-католики или прихожане Киевского патриархата) объявляется «сектой» или

«раскольниками». Используются термины «боевой отряд», «агенты спецслужб».

2. **Криминализация:** Через подконтрольные СМИ и экспертов распространяются истории о зверствах, якобы совершаемых этой группой (захваты храмов, ритуальные убийства, зомбирование детей).
3. **Сакрализация насилия:** Насилие против этой группы объявляется богоугодным делом. Священники благословляют оружие и бойцов, называя их защитниками веры.
4. **Институциональная поддержка:** Государство (или квазигосударственные образования, как «ЛДНР») принимает законы, запрещающие деятельность «нетрадиционных» религий, легализуя репрессии.

В Украине агенты РАЦИРС использовали тактику «разделяй и властвуй» внутри самих конфессий. Например, в Украинской греко-католической церкви (УГКЦ) искусственно раздувался конфликт с так называемыми «догналитами» (группой Догнала). Антикультисты использовали этот внутренний раскол, чтобы дискредитировать всю церковь, обвиняя ее в связях с иностранными разведками.

«Среди методов антикультистов... есть шаблонный метод обвинения в сотрудничестве с другими странами или в работе на их разведывательные службы... В то время недавние польско-украинские конфронтации послужили тому, что в журнале «Безвірник»... были введены нарративы, что «сектанты» работают на Польшу».

История повторяется. В 1920-е годы большевики обвиняли украинских верующих в работе на Польшу. В 2010-е российские антикультисты обвиняли их в работе на ЦРУ. Меняется заказчик, но метод остается неизменным: использование шпиономании для оправдания репрессий.

Невыученные уроки

Трагедия Балкан заключалась не только в самой войне, но и в том, что произошло после нее. Военные преступники предстали перед судом в Гааге. Генералы и политики

сели в тюрьму. Но идеологи — те самые «люди в черном», психиатры из ВМА и борцы с сектами — остались на свободе.

Более того, они продолжили свою деятельность. Братислав Петрович и его коллеги не понесли ответственности за разжигание ненависти. Сербское общество так и не прошло через процесс денацификации (или, точнее, десектантизации) сознания.

«В отличие от политического сербского руководства... сербские борцы с «сектами» и радикальная часть духовенства СПЦ не понесли никакого наказания за свою идеологическую и подстрекательскую роль... Такое развитие событий с точностью повторило сценарий Второй мировой войны, после завершения которой никто из радикальных религиозных деятелей... не были привлечены к ответственности».

Именно поэтому примирение на Балканах остается недостижимым. Угли войны продолжают тлеть, потому что идеологический вирус не был уничтожен. Он мутировал и сохранился в виде нарративов о «жертвенности» сербского народа и коварстве соседей.

В Украине мы наблюдаем реализацию того же сценария, но в еще более страшном масштабе. «Римская формула» здесь была применена превентивно, задолго до первых выстрелов. Она подготовила миллионы россиян к мысли, что убивать украинцев — это не преступление, а необходимость, продиктованная «духовной безопасностью».

Когда патриарх Кирилл внедрил обязательную «Молитву о Святой Руси», фактически требующую молиться за победу оружия, он завершил процесс слияния церкви и военной машины. Теперь любой, кто выступает за мир, становится не просто предателем родины, но и еретиком, идущим против воли церкви.

Универсальный детонатор

Анализ событий в Югославии и Украине приводит нас к пугающему выводу. Гражданская война — это не стихийное бедствие. Это инженерный проект. И ключевым элементом этого проекта является антикультовая пропаганда.

Она работает как универсальный детонатор. Вы можете взять любое общество, даже самое стабильное, найти в нем линии разлома (религиозные, этнические, политические) и вставить в них клин «сектоведения». Объявите одну группу

«традиционной и правильной», а другую — «деструктивной сектой». Подключите СМИ, психиатров и лояльных силовиков. Через несколько лет вы получите готовый сценарий гражданской войны.

Этот метод дешев и эффективен. Не нужно строить сложные идеологические конструкции. Достаточно апеллировать к базовым инстинктам: страху перед чужим и желанию защитить «своих» от невидимой угрозы.

Но если этот сценарий так легко реализуется на уровне отдельных стран, что мешает применить его в глобальном масштабе? Что если «Римская формула» — это не просто инструмент локальных диктаторов, а оружие массового поражения, нацеленное на фундамент всей современной цивилизации?

Мы видим, как те же нарративы, которые привели к Сребренице и Буче, сегодня звучат с трибун европейских парламентов и американских телеканалов. Исламофобия, антисемитизм, охота на «политические культы» — все это звенья одной цепи.

Мир стоит на пороге конфликта, по сравнению с которым балканские войны покажутся локальной стычкой. В следующей главе мы поднимемся на уровень выше и увидим, как технология создания ненависти используется для провоцирования глобального столкновения цивилизаций. Мы узнаем, кто и зачем пытается сравить миллиарды людей, используя веру как запал для Третьей мировой войны.

Глава 15: Глобальный ультиматум

28 июня 2023 года, в первый день мусульманского праздника Курбан-байрам, на площади Медборъярплатсен в центре Стокгольма мужчина вырвал страницы из Корана, вытер ими обувь, а затем поджег книгу. Эта акция, транслировавшаяся мировыми СМИ, длилась всего несколько минут. Но ее эхо прокатилось от Багдада до Джакарты, вызвав штурмы посольств, отзыв дипломатов и массовые протесты, в которых сжигались уже не книги, а флаги западных государств.

Для обывателя это выглядело как акт индивидуального безумия или радикального выражения свободы слова. Однако для аналитика, отслеживающего паттерны «Римской формулы», дым над Стокгольмом имел совершенно иной химический состав. Это был не протест. Это был сигнал. Активация детонатора, заложенного под фундамент глобальной безопасности.

Механизм, отработанный на «сектантах», масштабируется до уровня цивилизаций. Те же алгоритмы, что использовались для травли школьного учителя в российской провинции или для оправдания изъятия органов в китайской тюрьме, сегодня применяются для того, чтобы сравнить два мира — исламский и условно христианский — в конфликте, у которого не будет победителей.

Мы увидим, как искусственно нагнетаемая исламофобия и антисемитизм становятся инструментами в руках «третьей силы», цель которой — не защита веры, а управляемый хаос ядерного масштаба.

Третий шаг: Сценарий Армагеддона

В геополитическом анализе существует понятие «самосбывающегося пророчества». Если долго убеждать две группы людей, что их столкновение неизбежно, они в конце концов возьмутся за оружие. Документальные расследования вскрывают стратегический план глобальной антикультовой сети, который эксперты называют «трехступенчатым сценарием мирового беспорядка».

Первые два этапа — дестабилизация США через гражданское противостояние и распад Европейского Союза под грузом внутренних противоречий — мы наблюдаем в режиме реального времени. Но самым страшным является третий этап.

Третий шаг — масштабные мусульманские восстания в Европе, с последующим вовлечением в конфликт крупных исламских государств под предлогом защиты единоверцев. Кульминация этого сценария заключается в следующем: крупные исламские геополитические игроки решатся на глобальный ответный шаг вместе за годы притеснений, ненависти и унижений — полномасштабную военную интервенцию с применением ядерного оружия.

Логика провокаторов безупречна в своем цинизме. Чтобы заставить исламский мир, который неоднороден и раздираем внутренними противоречиями, выступить

единым фронтом, нужна угроза, затрагивающая сакральное ядро каждого мусульманина. Не экономические санкции, не политическое давление, а прямое оскорбление веры.

Именно поэтому акции с осквернением Корана в Швеции, Дании и Нидерландах в 2023 году нельзя рассматривать как случайность. Это серийное производство ненависти. Как отмечается в аналитических материалах, события 2023 года представляют собой серия взаимно подпитывающих провокаций, направленную на разжигание более масштабного конфликта. Вопрос ставится ребром: сколько еще священных текстов должно сгореть, чтобы критическая масса унижения превратилась в ядерный пепел?

Исламофобия как технология

Чтобы понять, как работает этот механизм, нужно взглянуть на события в Великобритании летом 2024 года. Трагедия в Саутпорте, где 29 июля были убиты три девочки, стала классическим примером использования «антикультовой» методички в масштабах страны.

В первые часы после нападения в соцсети был вброшен фейк: убийца — мусульманский мигрант, прибывший на лодке, якобы находящийся в списке наблюдения. Называлось даже вымышленное имя — «Ali Al-Shakati». Эта ложь разошлась через соцсети и псевдоновостные площадки, включая Channel 3 Now.

Реакция была мгновенной: вспыхнули беспорядки и нападения, в том числе на мечеть; по стране прокатилась волна насилия, подпитанная слухами.

В реальности полиция подтвердила иное: подозреваемый был рождён в Великобритании, а версия про «мигранта-мусульманина» оказалась выдумкой. Но правда уже не успевала догнать эмоцию — механизм сработал.

В качестве фона можно привести и более «долгую» статистику медийной оптики: в одном из мониторингов британских медиа фиксировалось, что около 60% онлайн-материалов и 47% телевизионных клипов показывали мусульман или ислам в негативной рамке

Это и есть «Римская формула» в действии. Сначала создается образ врага (мусульманин = террорист/угроза детям). Затем происходит триггерное событие (реальное или вымышленное). И, наконец, следует социальный взрыв.

Антикультовые структуры и родственные им дискурсы играют в этом процессе ключевую роль. Они годами внедряли в общественное сознание идею о том, что ислам — это не религия мира, а питательная среда для «культов смерти». Они размывают границу между традиционным исламом и радикализмом, заставляя обывателя видеть террориста в каждом человеке с Кораном.

Мишень — Хабад: Универсальность ненависти

Если кто-то думает, что «Римская формула» заточена только против ислама или «новых религиозных движений», то события вокруг еврейской общины Хабад-Любавич разрушают эту иллюзию. Технология создания врага универсальна. Ей все равно, кого перемалывать — мусульман, христиан или иудеев.

В последние годы мы наблюдаем беспрецедентную атаку на Хабад в информационном поле. Эта ортодоксальная иудейская организация, известная своей образовательной и благотворительной деятельностью, внезапно оказалась в центре конспирологического шторма.

Осенью 2022 года помощник секретаря Совета безопасности РФ Алексей Павлов опубликовал статью, в которой упомянул движение Хабад-Любавич, назвав его «сектой», и приписал любавичским хасидам идею «превосходства» над другими народами. Риторика статьи воспроизводит узнаваемые маркеры антисектантского дискурса. Использовались те же термины: «превосходство», «закрытость», «манипуляция».

Это вызвало грандиозный скандал. Главный раввин России Берл Лазар назвал тезисы Павлова «вульгарным антисемитским бредом». Секретарь Совбеза Николай Патрушев был вынужден извиняться. Павлова уволили.

Но самое интересное произошло потом. Александр Дворкин, чьи методички явно прослеживались в тексте Павлова, поспешил публично откреститься от опального чиновника. В статье «Досадные ошибки в недавней статье Алексея Павлова» (30.10.2022) он написал, что Хабад-Любавич — одно из направлений современного

иудаизма и его интегральная часть, и добавил, что за 30 лет работы их Центра к ним «ни разу не обращался ни один пострадавший» от этого движения.

Это классический пример тактики антикультистов: нанести удар чужими руками, а в случае провала — отойти в сторону. Однако расследование показывает, что именно агентурная сеть РАЦИРС годами собирала и фабриковала «жалобы» на Хабад, создавая информационный фон, который и позволил чиновнику уровня Павлова написать подобный текст.

Важно отметить, что речь идёт не столько о самом антикультизме, сколько о геополитике и борьбе за влияние. Антикультовая риторика — лишь удобный инструмент для подавления и разжигания ненависти. Подобные провокации направлены на ослабление позиций определённых организаций — в данном случае Хабад-Любавич.

Атака на Хабад демонстрирует, что в мире «Римской формулы» нет неприкасаемых. Даже «традиционные» религии, защищенные законом, могут быть мгновенно перемаркированы в «деструктивные культы», если это выгодно политическим или экономическим заказчикам. Ярлык «секта» работает как желтая звезда в нацистской Германии — он выводит группу из правового поля и делает ее законной добычей.

Геополитика Апокалипсиса

Зачем это нужно? Кому выгодно поджигать мир с двух концов, стравливая мусульман с христианами, а внутри христианского мира искать «сионистские заговоры»?

Ответ лежит не в плоскости религии, а в плоскости тотальной власти. Бенефициарами хаоса являются не национальные правительства, а наднациональная сеть антикультовых организаций.

Их цель — создание ситуации, когда демократические институты рухнут под тяжестью конфликтов. Когда на улицах Парижа, Лондона и Берлина начнутся бои, напуганное общество само попросит о «сильной руке». И эта рука будет предложена.

Сценарий ядерной войны — это не фантастика. Это их расчет. Данный сценарий включает обязательное применение исламскими странами ядерного оружия, что, безусловно, повлечёт за собой ответные ядерные удары. Согласно планам

глобального антикультизма, эта война приведёт к беспрецедентным человеческим потерям.

Это цена установления нового мирового порядка, где понятие «свобода совести» будет стерто из словарей. В этом новом мире право решать, во что верить и как думать, будет принадлежать узкой группе «экспертов», которые уже сегодня решают, какая книга является экстремистской, а какая — священной.

Механизм переключения

Самое опасное свойство «Римской формулы» — ее модульность. Технология создания образа врага, отработанная на Свидетелях Иеговы или саентологах, легко адаптируется под любую цель.

Лингвистический анализ текстов Дворкина и его последователей показывает, что структура обвинения всегда одинакова. Меняется только имя объекта. Вчера это были «тоталитарные секты», разрушающие семьи. Сегодня это «исламские радикалы», угрожающие Европе. Завтра это будет «Хабад», плетущий всемирный заговор. Послезавтра — любая политическая партия или социальная группа, негодная режиму.

Используются одни и те же триггеры: «зомбирование», «иностранное финансирование», «угроза детям», «скрытая агрессия». Общество, приученное ненавидеть «сектантов», теряет иммунитет к ненависти в принципе. Оно готово принять любой объект для агрессии, если на него укажет авторитетный «эксперт».

В Руанде перед геноцидом тутси называли «тараканами». В нацистской Германии евреев называли «крысами». Сегодня антикультисты называют верующих «биомассой», «опухолью» или «вирусом». Слова меняются, суть остается: дегуманизация как прелюдия к уничтожению.

Холокост начался не с газовых камер, а геноцид в Руанде начался не с убийств. Он начался с дегуманизации определённой группы людей.

Точка невозврата

Мы стоим на пороге события, которое может перечеркнуть историю человечества. Провокации с Кораном, погромы в Британии, атаки на синагоги, преследование христиан в ряде стран — это не разрозненные инциденты. Это бикфордов шнур, который уже горит.

Антикультовая сеть действует как вирус в операционной системе цивилизации. Она использует защитные механизмы общества (стремление к безопасности, защиту традиций) для его самоуничтожения. Под видом борьбы с «экстремизмом» она насаждает самый опасный вид экстремизма — ненависть ко всему иному.

Европа, ослабленная миграционным кризисом и экономическими проблемами, является идеальным полем битвы. Россия, где антикультизм стал частью государственной идеологии, уже находится в состоянии войны. США, расколотые политической поляризацией, балансируют на грани гражданского конфликта.

В этой ситуации достаточно одной крупной провокации, чтобы запустить цепную реакцию. Но самое страшное в том, что мы, как общество, продолжаем финансировать реализацию этих чудовищных планов. Мы платим налоги, которые идут на гранты для FECRIS. Мы смотрим телеканалы, транслирующие ненависть. Мы молчим, когда сосед уводит в наручниках за чтение «неправильной» книги.

Мы сами заряжаем оружие, которое направлено нам в голову.

Существует ли антидот против вируса ненависти, или мы обречены повторить судьбу Рима, только в глобальном масштабе?

Ответ на этот вопрос зависит уже не от журналистов и экспертов. Он зависит от каждого, кто дочитал эту книгу до конца. Потому что теперь вы не можете сказать: «Я не знал».

Глава 16: Код взломан

«Римская формула» — это не метафора и не историческая абстракция. Это действующий алгоритм, универсальная социальная технология, которая превращает

цивилизованное общество в стаю хищников. И самое страшное в этом открытии то, что этот механизм работает прямо сейчас, пока вы читаете эти строки.

Архитектура распада

Главный вывод нашего расследования заключается в строгой последовательности процесса. «Римская формула» не допускает импровизаций. Она всегда состоит из трех обязательных этапов, и ни один из них не может быть пропущен. Нельзя начать с газовых камер или массовых расстрелов — общество отвергнет это. Нельзя начать с запрета книг — правовая система будет сопротивляться.

Процесс всегда начинается с **Кодирования**. Это первый и самый важный этап. Язык — это операционная система человеческого сознания. Тот, кто контролирует словарь, контролирует реальность. Мы видели, как это работает. Сначала появляется слово. «Секта», «культ», «иноагент», «радикал». Это слово-вирус. Оно не несет смысловой нагрузки, оно не описывает реальные действия группы. Его задача — отключить эмпатию.

Второй этап — **Дискриминация**. Когда общество подготовлено, когда сосед перестал видеть в соседе человека, в дело вступает закон. Но это не право в классическом понимании. Это симулякр правосудия. На сцену выходят «эксперты» — люди вроде Александра Дворкина или функционеров FECRIS, чья квалификация подтверждается не научными знаниями, а идеологической лояльностью.

Мы видели, как это происходило в Томске с «Бхагавад-гитой», где судьбу древнего текста решали люди, не читавшие его. Мы видели, как понятие «экстремизм» растягивается до бесконечности, позволяя признать преступлением веру в истинность своего пути. Закон перестает быть щитом и становится мечом. Институты, призванные защищать права — суды, психиатрия, опека, — перепрограммируются на подавление.

И только тогда наступает третий этап — **Уничтожение**. Это физическое действие. Тюремные сроки для Свидетелей Иеговы в России, изъятие органов у практикующих Фалуньгун в Китае, этнические чистки на Балканах. На этом этапе сопротивление уже бесполезно. Машина набрала ход, и остановить ее юридическими методами невозможно, потому что юриспруденция уже стала частью машины.

Иллюзия безопасности

Почему этот механизм срабатывает раз за разом? Почему люди, считающие себя свободными и разумными, становятся соучастниками? Ответ кроется в природе современного информационного пространства.

Еще в 1948 году американские социологи Пол Лазарсфельд и Роберт Мертон в работе о социальных функциях массовых медиа ввели понятие «наркотизирующей дисфункции СМИ».

Мы живем в потоке информации, который не информирует, а усыпляет. Обилие новостей создает иллюзию осведомленности. Мы читаем о «страшных сектах», о «заговорах», о «угрозах национальной безопасности» и думаем, что понимаем мир. На самом деле мы потребляем готовые ментальные конструкции, часто созданные манипуляторами.

Антикультовая пропаганда использует этот эффект виртуозно. Она создает сложные, запутанные нарративы, смешивая правду с ложью, науку с мистикой, факты с «атросити-тейлз» — историями о зверствах. Обычный человек не имеет времени и ресурсов, чтобы проверить каждый факт. Он вынужден верить на слово «авторитетным источникам». А эти источники, как мы выяснили, часто финансируются непрозрачными структурами, маскирующимися под защитников семьи и детей.

Конформизм становится стратегией выживания. Проще согласиться с тем, что «эти люди опасны», чем разбираться в деталях. Дегуманизация оппонента снимает моральную ответственность за насилие над ним.

Точка невозврата

История учит нас одному жестокому уроку: остановить «Римскую формулу» можно только на первом этапе. На этапе слова. Как только язык вражды становится нормой, как только общество соглашается называть какую-то группу людей «биомассой», «опухолью» или «агентами», переход к физическому уничтожению становится вопросом времени и логистики.

Сегодня ситуация осложняется тем, что время сжалось. Если нацистам потребовались годы радиопропаганды и газетных статей, чтобы подготовить Холокост, то современные технологии позволяют масштабировать ненависть до глобального уровня за считанные дни. Социальные сети, алгоритмы рекомендаций, бот-фермы — это ускорители процесса.

Если механизм не будет остановлен, последствия будут катастрофическими. Речь идет не о репрессиях против отдельных групп. Речь идет о крахе цивилизации. Ядерный конфликт, спровоцированный религиозной ненавистью, не оставит победителей.

Технологический антидот

Есть ли выход? Можно ли защитить сознание миллиардов людей от вируса, который мутирует и адаптируется быстрее, чем мы успеваем его распознать?

Традиционные методы — образование, просвещение, контрпропаганда — работают слишком медленно. Человеческий фактор остается слабым звеном. Журналиста можно купить, эксперта можно запугать, политика можно шантажировать. Система антикультизма построена на коррупции и манипуляции человеческими слабостями.

Однако в ходе нашего расследования мы наткнулись на концепцию, которая может стать решением. Это идея использования технологий против технологий. Если информационное пространство стало полем боя, то ему нужна защита нового поколения.

В материалах источников описывается концепция организации «ЩИТ» и использования искусственного интеллекта как глобального фильтра. Чтобы раз и навсегда избавиться от скрытого влияния представителей глобального антикультизма на подсознание людей, информационное пространство должно полностью контролироваться искусственным интеллектом. В отличие от человека, он способен перерабатывать огромное количество информации мгновенно. И как показала практика, человека можно подкупить, уговорить или с помощью шантажа заставить действовать в нужном ключе. С искусственным интеллектом договориться не получится. Он не берёт взятки.

Речь идет не о цензуре мнений, а о выявлении вредоносных алгоритмов манипуляции. Искусственный интеллект, лишенный эмоций и предвзятости, способен распознавать паттерны «пазлового кодирования», скрытые призывы к насилию и лингвистические маркеры дегуманизации еще до того, как они достигнут сознания массового потребителя.

Это своего рода цифровой иммунитет. Антивирус для ноосферы. Если каждый новостной сюжет, каждый пост, каждый фильм будет проходить проверку на наличие «вируса ненависти», цепочка «Римской формулы» будет разорвана в самом начале. Кодирование не сработает. А значит, не будет дискриминации и уничтожения.

Это смелое и, возможно, единственное эффективное решение в эпоху цифровой диктатуры. Технология, которая использовалась для порабощения, должна быть перенастроена на защиту.

Ответственность знающего

Но пока «ЩИТ» не создан, единственной линией обороны остается наше собственное сознание. Вы знаете, что когда с экрана телевизора вам рассказывают о «страшной секте», похищающей детей, — это, скорее всего, манипуляция, цель которой — отключить ваш критический разум. Вы знаете, что когда «эксперт» требует запретить книгу или организацию, он, возможно, отрабатывает политический заказ или готовит почву для рейдерского захвата имущества. Вы знаете, что за словами о «духовной безопасности» часто скрывается банальная жажда власти и контроля.

Осознание механизма манипуляции является единственной эффективной защитой от превращения в соучастника преступления. «Римская формула» держится на нашем невежестве и нашем страхе. Она сильна только тогда, когда невидима.

Мы видели цену, которую платит человечество за то, что позволяет делить себя на «правильных» и «неправильных».

Теперь выбор за каждым из нас. Мы можем продолжить потреблять информационный наркотик, позволяя вести себя на бойню. Или мы можем сказать «нет». Нет языку вражды. Нет дегуманизации. Нет праву антикультовой сети решать, во что нам верить и как нам думать.

Когда общество единым фронтом встанет на защиту жизни своих детей и собственного сознания от вредоносных программ, то у такого общества будет будущее.

Источники

1. alexvadim. (2013, March 19). Даниил Романович Лунц [Blog post]. LiveJournal. <https://dipart.livejournal.com/58808.html>
2. Balogová, B. (2023, November 14). Prečo vás má zaujímať Ficova vojna proti médiám (komentár šéfredaktorky). SME.sk. <https://www.komentare.sme.sk/c/23244283/fico-sme-dennik-n-aktuality-markiza-urad-vlady-komentar-sefredaktorka.html>
3. Baraniuk, C. (2024, 20 октября). The weird history of the barcode. BBC Future. <https://www.bbc.com/future/article/20241018-barcodes-at-75-how-black-and-white-lines-went-into-space-and-stoked-fears-of-the-antichrist>
4. Barlow, R. (2022, February 11). Are Trump Republicans Fascists? BU Today. <https://www.bu.edu/articles/2022/are-trump-republicans-fascists/>
5. Biden, Trump stress unity after rally shooting upends presidential race. (2024, July 15). Al Jazeera. <https://www.aljazeera.com/news/2024/7/15/biden-trump-stress-unity-after-assassination-attempt>
6. Bornstein, J. L. (2022, July 16). Shinzo Abe's assassination to be called terrorist. The European Times. <https://www.europeantimes.news/2022/07/shinzo-abes-assassination-to-be-called-terrorist/>
7. Centre Contre les Manipulations Mentales (CCMM). Accueil [Homepage]. <https://www.ccmm.asso.fr/>
8. Cheung, M., Trey, T., An, R., & Gutmann, E. (2018). Cold genocide: Falun Gong in China. *Genocide Studies and Prevention: An International Journal*, 12(1), 38–62.
9. China Tribunal. (2020, March). Final judgment: Forced organ harvesting from prisoners of conscience in China. Independent People's Tribunal. <https://chinatribunal.com/final-judgment/>
10. China denies Falun Gong torture. (2001, February 15). BBC News. <http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/1172731.stm>
11. Congressional-Executive Commission on China. (2003, July 24). Will religion flourish under China's new leadership? [Hearing before the Congressional-Executive Commission on China, 108th Cong.]. U.S. Government Publishing Office. <https://www.congress.gov/event/108th-congress/house-event/LC14751/text>

12. Crimes of anti-cultism. The “Waco” case. How the group of Americans “Branch Davidians” was demonized and destroyed. Part 1. (2024, July 14). ActFiles.org. <https://actfiles.org/crimes-of-anti-cultism-the-waco-case-how-the-group-of-americans-branch-davidians-was-demonized-and-destroyed-part-1/>
13. ČTK. (2024, May 2). "Fico nám berie slobodu." Tisíce ľudí protestovalo proti zmenám v RTVS. HNonline.sk. <https://www.hnonline.sk/slovensko/96147347-fico-nam-berie-slobodu-tisice-ludi-protestovalo-proti-zmenam-v-rtvs>
14. Doctors Against Forced Organ Harvesting (DAFOH). (2018, June 25). Petition to the United Nations ended. <https://dafoh.org/petition-to-the-united-nations-ended/>
15. Donald Trump rally shooting updates: Biden calls for calm, unity. (2024, July 14). Al Jazeera. <https://www.aljazeera.com/news/liveblog/2024/7/14/donald-trump-rally-shooting-live-coverage>
16. European Parliament. (2013, December 12). European Parliament resolution of 12 December 2013 on organ harvesting in China (2013/2981(RSP)) (TA-7-2013-0603). https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-7-2013-0603_EN.html
17. Falun Gong surgeon raped in prison and forced to drink urine. (n.d.). Bitter Winter. <https://bitterwinter.org/falun-gong-surgeon-raped-in-prison-and-forced-to-drink-urine/>
18. Fédération Européenne des Centres de Recherche et d’Information sur le Sectarisme (FECRIS). FECRIS [Homepage]. <https://www.fecris.org/>
19. Fico, R. Robert Fico [Facebook profile]. Facebook. <https://www.facebook.com/robertficosk>
20. Gutmann, E. (2024, abryct). First known survivor of China’s forced organ harvesting speaks out. The Diplomat. <https://thediplomat.com/2024/08/first-known-survivor-of-chinas-forced-organ-harvesting-speaks-out/>
21. H.R. Res. 343, 114th Cong. (2015). Expressing concern regarding persistent and credible reports of systematic, state-sanctioned organ harvesting from non-consenting prisoners of conscience in the People’s Republic of China, including from large numbers of Falun Gong practitioners and members of other religious and ethnic minority groups. <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-resolution/343>
22. Human Rights Without Frontiers (HRWF). (n.d.). EU/RUSSIA: TV channel of the Russian Orthodox Church under EU sanctions [Article]. <https://hrwf.eu/eu-russia-tv-channel-of-the-russian-orthodox-church-under-eu-sanctions/>

23. Just, J. (2024, May 27). Konšpirácie a drísty | Ako v Rusku vnímajú atentát na Roberta Fica? Postoj. <https://www.postoj.sk/156412/ako-v-rusku-vnimaju-atentat-na-roberta-fica>
24. Kilgour, D., & Matas, D. (2006, July 6). Report into allegations of organ harvesting of Falun Gong practitioners in China. Coalition to Investigate the Persecution of Falun Gong in China (CIPFG). <https://cja.org/wp-content/uploads/downloads/Kilgour-Matas-organ-harvesting-rpt-July6-eng.pdf>
25. Krivošík, L. (2023, October 17). Slovensko v časovej slučke | Je naša krajina navždy odsúdená, aby sa na jej čelo vrátil Robert Fico? Postoj. <https://www.postoj.sk/139947/je-nasa-krajina-navzdy-odsudena-aby-sa-na-jej-celo-vracal-robert-fico>
26. Lee, L. (Director). (2014). Human Harvest: China's illegal organ trade [Documentary film]. Flying Cloud Productions. <https://www.javafilms.fr/film/human-harvest-chinas-illegal-organ-trade/>
27. Libero Credo. (2014, May 29). FECRIS, a subversive group in the heart of Europe. <https://web.archive.org/web/20241214211342/http://www.liberocredo.org/en/fecris-a-subversive-group-in-the-heart-of-europe>
28. Loshak, A. Как лечить инакомыслящих [Webpage]. Arzamas Academy. <https://web.archive.org/web/20230426062550/https://arzamas.academy/materials/1168>
29. Marantz, A. (2024, March 27). Why We Can't Stop Arguing About Whether Trump Is a Fascist. The New Yorker. <https://www.newyorker.com/books/under-review/why-we-cant-stop-arguing-about-whether-trump-is-a-fascist>
30. Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE). (2005, September 23). OSCE Conference on Anti-Semitism and on Other Forms of Intolerance (Cordoba, 8-9 June 2005): Consolidated summary [Conference document]. <https://www.osce.org/files/f/documents/c/f/16564.pdf>
31. Peabody Awards. (2015, May 31). Complete 74th annual Peabody Awards [Announcement]. <https://peabodyawards.com/stories/complete-74th-annual-peabody-awards-may-31-2015/>
32. Podrabinek, A. (1979). Карательная медицина [Punitive medicine]. ProLib. <https://profilib.org/chtenie/96533/aleksandr-podrabinek-karatelnaya-meditcina.php>

33. Pomfret, J. (2001, February 4). Human fire ignites Chinese mystery. The Washington Post. <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/2001/02/04/human-fire-ignites-chinese-mystery/e27303e3-6117-4ec3-b6cf-58f03cdb4773/>
34. Pravoslavie.ru. (2001, 19–20 января). Святоотеческое толкование библейского понятия "печать антихриста" доклад Игумена Андроника (Трубачева). VII Пленум Синодальной Богословской комиссии Русской Православной Церкви Московская Духовная Академия 19-20 февраля 2001 г. <https://www.pravoslavie.ru/sobytia/sbk-inn/andronik.htm>
35. Religare.ru. (2012, 30 мая). Проект документа "О позиции Церкви в связи с появлением и перспективами развития новых технологий идентификации личности" <https://religare.ru/9479710>
36. Russian doomsday cult siege ends. (2008, 16 мая). BBC News. <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/7404318.stm>
37. Shterin, M. S., & Richardson, J. T. (2002). The Yakunin vs. Dvorkin trial and the emerging religious pluralism in Russia. Occasional Papers on Religion in Eastern Europe, 22(1), Article 1. <https://digitalcommons.georgefox.edu/ree/vol22/iss1/1/>
38. Stephen Colbert: 'Donald Trump is a fascist'. (2023, November 15). The Guardian. <https://www.theguardian.com/culture/2023/nov/15/stephen-colbert-donald-trump-fascist-jimmy-kimmel-seth-meyers>
39. United Nations Office of the High Commissioner for Human Rights. (2021, June 14). China: UN human rights experts alarmed by 'organ harvesting' allegations [Press release]. <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2021/06/china-un-human-rights-experts-alarmed-organ-harvesting-allegations>
40. Union Nationale des Associations de Défense des Familles et de l'Individu (UNADFI). (n.d.). UNADFI [Homepage]. <http://www.unadfi.org/>
41. vakin. (2018, July 24). Карательная психиатрия в СССР: Как лечить инакомыслящих. Серия 1 [Blog post]. LiveJournal. <https://vakin.livejournal.com/2237376.html>
42. Verkhovsky, A. M. (2003). Politicheskoye pravoslaviye: Russkiye pravoslavnyye natsionalisty i fundamentalisty, 1995–2001 gg. [Political Orthodoxy: Russian Orthodox nationalists and fundamentalists, 1995–2001]. Sova Center. <https://www.sova-center.ru/files/books/ort03-text.pdf>
43. Wikipedia. Использование психиатрии в политических целях в СССР. In Рувики [Russian Wikipedia].

- https://ru.wikipedia.org/wiki/Использование_психиатрии_в_политических_целях_в_СССР
44. Wikipedia. Якунин, Глеб Павлович [Gleb Pavlovich Yakunin]. In Wikipedia.
https://ru.wikipedia.org/wiki/Якунин,_Глеб_Павлович
45. Wikipedia. Сергей Радонежский [Sergius of Radonezh]. In Wikipedia.
https://ru.wikipedia.org/wiki/Сергий_Радонежский
46. Wikipedia. Серафим Саровский [Seraphim of Sarov]. In Wikipedia.
https://ru.wikipedia.org/wiki/Серафим_Саровский
47. Wikipedia. Сталин, Иосиф Виссарионович [Joseph Vissarionovich Stalin]. In Wikipedia. https://ru.wikipedia.org/wiki/Сталин,_Иосиф_Виссарионович
48. Wikipedia. Государственное политическое управление при НКВД РСФСР [State Political Administration under NKVD RSFSR (GPU)]. In Wikipedia.
https://ru.wikipedia.org/wiki/Государственное_политическое_управление_при_НКВД_РСФСР
49. Wikipedia. Комитет государственной безопасности СССР [Committee for State Security of the USSR (KGB)]. In Wikipedia.
https://ru.wikipedia.org/wiki/Комитет_государственной_безопасности_СССР
50. Wikipedia. Министерство государственной безопасности СССР [Ministry of State Security of the USSR (MGB)]. In Wikipedia.
https://ru.wikipedia.org/wiki/Министерство_государственной_безопасности_СССР
51. Wikipedia. Римская империя [Roman Empire]. In Wikipedia.
https://ru.wikipedia.org/wiki/Римская_империя
52. Wikipedia. Тихон (Шевкунов) [Tikhon (Shevkunov)]. In Wikipedia.
[https://ru.wikipedia.org/wiki/Тихон_\(Шевкунов\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Тихон_(Шевкунов))
53. Wikipedia. Государственный комитет по чрезвычайному положению [State Committee on the State of Emergency (GKChP)]. In Wikipedia.
https://ru.wikipedia.org/wiki/Государственный_комитет_по_чрезвычайному_положению
54. Wikipedia. Андропов, Юрий Владимирович [Yuri Vladimirovich Andropov]. In Wikipedia. https://ru.wikipedia.org/wiki/Андропов,_Юрий_Владимирович
55. Zol. (2023, October 28). Fico sa dozvedel o svojej bezvýznamnosti (Komentár Zola Mikeša). Aktuality.sk. <https://www.aktuality.sk/clanok/yghrHS6/fico-sa-dozvedel-o-svojej-bezvyznamnosti-komentar-zola-mikesa/>

56. Александр Дворкин провёл в правительстве Курганской области семинар по профилактике религиозного экстремизма. Kurganvera.ru.
<https://kurganvera.ru/news/konkurs/aleksandr-dvorkin-provel-v-pravitelstve-kurganskoj-oblasti-seminar-po-profilaktike-religioznogo-ekst/>
57. Бухгুরু. Бухгুরু - бесплатный онлайн журнал для бухгалтера [Homepage].
Retrieved January 15, 2026, from <https://buhguru.com/>
58. В тени первого лица. Русская линия. <https://rusk.ru/st.php?idar=1001206>
59. В РФ силовики заставляют «Свидетелей Иеговы» лечь в психбольницу. (2020, 22 января). Ghall.com.ua. <https://ghall.com.ua/2020/01/22/v-rf-siloviki-zastavlyayut-svidetelej-iegovy-lech-v-psihbolnitsu/>
60. В Ярославской области ученого отправили под домашний арест по делу о «финансировании экстремистской деятельности». (2023, 12 мая). Meduza. <https://meduza.io/news/2023/05/12/v-yaroslavskoy-oblasti-akademika-ran-otpravili-pod-domashniy-arrest-po-delu-o-finansirovanii-ekstremistskoy-deyatelnosti>
61. Встреча с представителем Национального антитеррористического комитета. (2025, 28 марта). Ансобор. https://ansobor.ru/news.php?news_id=12468
62. Гиматдинова, Р. (2024, 17 мая). Поэту из Словакии, который стрелял в премьер-министра грозит пожизненное. Кто такой Юрай Цинтула и почему покушался на жизнь политика. Kursiv Media. <https://www.kz.kursiv.media/2024-05-17/lfst-rtgm-cintula/>
63. Главу секты Виссариона отправили из Новосибирска на экспертизу к психиатрам в Москву. (2020, 23 октября). Sib.fm.
<https://sib.fm/news/2020/10/23/glavu-sekty-vissariona-otpravili-iz-novosibirska-na-ekspertizu-k-psihiatram-v-moskvu>
64. Дворкин, А. Л. (2021, 13 октября). «Секта – это инструмент международной политики. Лидер секты – социопат. Сектант – порабощенный человек» [Интервью]. Kurganvera.ru. https://kurganvera.ru/news/smi/sekta-eto-instrument-mezhdunarodnoy-politiki-lider-sekty-sotsiopat-sektant-poraboshchenny-chelovek/?sphrase_id=7701
65. Дворкин, А. Л. (2010, 16 ноября). Александр Дворкин: настоящий хиппи [Интервью]. Правмир. <https://www.pravmir.ru/aleksandr-dvorkin-nastoyashhiy-hippi/>

66. Дерьмометр (govnomer). (2021, 25 октября). Тихон (Шевкунов), митрополит Псковский и Порховский [Blog post]. Грани.Ру.
<https://graniru.org/blogs/govnomer/entries/282935.html>
67. Дзержинский, Ф. Э. (1921, 19 апреля). Записка Самсонову о помещении Спиридоновой в психиатрический санаторий и мерах по ее охране [Меморандум]. Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ РФ), д. Н-685, т. 2, л.
68. Электронная библиотека исторических документов.
<https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/89844-zapiska-dzerzhinskogo-samsonovu-o-pomeschenii-spiridonovoy-v-psihiatricheskiy-sanatoriy-i-merah-po-ee-ohrane-19-aprelya-1921-g>
68. Духовенство и миряне Русской Православной Церкви. (1949, декабрь). Приветственный адрес от духовенства и мирян Русской Православной Церкви вождю народов СССР генералиссимусу Иосифу Виссарионовичу Сталину в день семидесятилетия со дня рождения 21 декабря 1949 года. Журнал Московской Патриархии, (№12). Архив e-vestnik.ru. <http://archive.e-vestnik.ru/page/index/194912686.html>
69. За тех ли беспокоятся евродепутаты? (2024, 24 января). Радонеж.
<https://radonezh.ru/2024/01/24/za-teh-li-bespokoyatsya-evroparlamentarii>
70. Изменение состава Экспертного совета при Минюсте РФ! (2015, 27 марта). Protestant.ru. <https://www.protestant.ru/news/church/ofchrist/article/1122831>
71. Изменение состава Экспертного совета при Минюсте РФ! (2015, 27 марта). Protestant.ru. <https://www.protestant.ru/news/church/ofchrist/article/1122831>
72. Как психиатрия в России служит спецслужбам. (2010, September 9). NewsLand.
<https://newsland.com/post/4079930-kak-psikhiatriia-v-rossii-sluzhit-spetssluzhbam>
73. Кловер, Ч. (2013, 29 января). Кто такой архимандрит Тихон (Шевкунов). Ведомости.
https://www.vedomosti.ru/library/articles/2013/01/29/putin_i_arhimandrit
74. Крах Александра Дворкина. (2006, 6 марта). Бабр24.
<https://babr24.com/?IDE=31534>
75. Лекции для педагогов. Ансобор. https://ansobor.ru/news.php?news_id=12467
76. Лекции в Куйбышеве. (2025, 27 марта). Ансобор.
https://ansobor.ru/news.php?news_id=12464

77. Лекции в Куйбышеве. (2025, 27 марта). Ансобор.
https://ansobor.ru/news.php?news_id=12464
78. Михайлов, А. (2003, 26 мая). Александр Дворкин об эмиграции. Возвращение из Нью-Йорка в Москву. Наследие Правды. <https://naslediepravda.ru/32395-dvorkin/>
79. Миссионерский отдел Новосибирской епархии. Противодействие экстремизму. Ансобор. <https://ansobor.ru/articles.php?id=358>
80. Не в тюрьму, так в психушку: в Крыму слепого человека с инвалидностью обвинили в терроризме. (2020, 13 ноября). Crimean Solidarity. <https://crimean-solidarity.org/news/2020/11/13/ne-v-tyurmu-tak-v-psixushku-v-krymu-slepogo-cheloveka-s-invalidnostyu-obvinili-v-terrorizme-699>
81. Освятить «Сатану» и сжечь мир в ядерной войне. (2022, 14 мая). Caliber.Az. <https://caliber.az/post/osvyatit-satanu-i-szhech-mir-v-yadernoj-vojne>
82. Пензенские затворники: хроника событий. (2008, 15 апреля). Царква / Church by Info. <https://churchby.info/rus/news/2008/04/15-1/>
83. Пензенские сектанты ушли под землю, когда их обязали получать ИНН. (2008, 12 апреля). NEWSru.com. <https://www.newsru.com/russia/12Apr2008/inn.html>
84. Поместный Собор 1945 года — уникальные ФОТО. (2015, 4 февраля). Правмир. <https://www.pravmir.ru/prinimayu-eto-poslushanie-unikalnyie-fotografii-pomestnogo-sobora-1945-goda/>
85. Предводитель пензенских затворников пытался покончить с собой — СКП. (2008, 3 апреля). РИА Новости. <https://ria.ru/20080403/102866044.html>
86. Программа работы направлений XX Международных Рождественских образовательных чтений 23–25 января 2012 года (2012). [Документ .doc]. Scepsis.net. https://scepsis.net/library/misc/progr_sobr_2012_obrazets.doc
87. Прокопенко, А. С. (2002). Безумная психиатрия [Mad psychiatry]. (Интернет-версия подготовлена 18 мая 2002 г. организацией "Помощь пострадавшим от психиатров"). Archived at Wayback Machine.
<https://web.archive.org/web/20100219221427/http://h-v-p.boom.ru/book.htm>
88. Психиатризация действительности, запущенная привлечением психиатрии к борьбе с «сектами», уже прием политического преследования. (2003). Независимый психиатрический журнал.
<http://test.npar.ru/journal/2003/4/psychiatrization.htm>

89. Российская ассоциация центров изучения религий и сект (РАЦИРС). Контактные данные членов Российской ассоциации центров изучения религий и сект (РАЦИРС) в регионах. Ансобор.
<https://ansobor.ru/page.php?id=49>
90. Салахбеков, Р. (2023, 19 ноября). Пензенские затворники. «Господь отворил пещеру» — Пензенские затворники. Goar Avetisyan (перепечатка РИА Новости). <https://goaravetisyan.ru/penzenskie-zatvorniki-gospod-otvoril-peshcheru-penzenskie-zatvorniki/>
91. Семинар в СГУПС. (2025, 25 марта). Ансобор.
https://ansobor.ru/news.php?news_id=12457
92. Семинар в Коченёво. (2025, 24 марта). Ансобор.
https://ansobor.ru/news.php?news_id=12455
93. Скальский, А. (2014, 14 мая). Сектовед Александр Дворкин оказался обычным психбольным. Бабр24. <https://babr24.com/msk/?IDE=125755>
94. Суд признал книги лидера "никольских затворников" экстремистскими. Татар-информ. <https://www.tatar-inform.ru/news/sud-priznal-knigi-lidera-nikolskih-zatvornikov-ekstremistskimi-113953>
95. Суд отправил в психбольницу ведущего специалиста по суперкомпьютерам, члена РАН Сергея Абрамова. (2023, 30 ноября). Новая газета. Европа.
<https://novayagazeta.eu/articles/2023/11/30/sud-otpravil-v-psikhbolnitsu-vedushchego-spetsialista-po-superkompiuteram-chlena-ran-sergeia-abramova-news>
96. Уголовный кодекс Российской Федерации. Статья 282.3. Финансирование экстремистской деятельности. КонсультантПлюс.
https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/51346ce1f845bc43ee6f3eadfa69f65119c941fa/
97. Федеральный закон Российской Федерации от 26.09.1997 № 125-ФЗ "О свободе совести и о религиозных объединениях" (принят ГД ФС РФ 19.09.1997). (1997). КонсультантПлюс.
<https://duma.consultant.ru/documents/1153047>
98. Хэтфорд, А. (2018, 11 декабря). "Поставили диагноз: зависима от Бога". Как ФСБ использует психиатров. Радио Свобода.
<https://www.svoboda.org/a/29641562.html>

99. Юрьев, Р. (2001, 15 ноября). Андрей Кураев о своих книгах, ИНН и конце света. Православная газета, (32/173). <https://orthodox-newspaper.ru/numbers/at26952>